

БЮЛЛЕТЕНЬ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

№ 1
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Рег. ПИ № ФС77-41331
от 23 июля 2010 г. Издается с 1998 г. Выходит 2 раза в полугодие.

Учредитель: Издательская группа «ЮРИСТ»

СОДЕРЖАНИЕ:

НОТАРИУСУ НА ЗАМЕТКУ

Разъяснение законодательства о валютном регулировании и валютном контроле	2
Письмо Федеральной нотариальной палаты от 15 января 2020 г. № 121/03-16-3	3
Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах	5

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 5 сентября 2019 г. № 03-05-05-03/68382	25
Письмо Федеральной нотариальной палаты от 15 января 2020 г. № 111/03-16-3	27
Письмо Федеральной нотариальной палаты от 27 января 2020 г. № 340/03-16-3	29
КОНСУЛЬТАЦИЯ ЭКСПЕРТА	31

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Поляков М.И., Любимова А.В. Проверка дееспособности при нотариальном удостоверении сделки в судебной практике	43
---	----

Редакционный совет:

Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Буксман А.Э.;
Гонгало Б.М., д.ю.н.;
Гончарова Н.В.;
Лесницкая Л.Ф., к.ю.н.;
Мирзоев Г.Б., д.ю.н.;
Попова Л.М.;
Попова Н.Ю., к.ю.н.;
Прохоров М.В., к.ю.н.;
Самойлов А.С., д.ю.н.;
Черемных Г.Г., д.ю.н.;
Ярошенко К.Б., д.ю.н.

Редакционная коллегия:

Тоцкий Н.Н., Вергасова Р.И.,
Гриб В.В., Лупаина О.В.,
Сафонов А.В., Цымбаренко А.Г.

Главный редактор

Тоцкий Н.Н., к.ю.н.

Зам. главного редактора

Певницкий С.Г., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н.

Заместители

главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С.,
Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Редакция:

Соловьева Д.В., Лаптева Е.А.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)

Адрес для корреспонденции:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа»
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2
Тел. (4842) 70-03-37
Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л. — 6,0.
Цена свободная.
Общий тираж 3 000 экз.
Номер подписан 25.02.2020.
Номер вышел в свет 04.03.2020.

Разъяснение законодательства о валютном регулировании и валютном контроле

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Москва, 101000, Бобров пер., д. 6, стр. 3; тел. 8 (495) 623-54-86, 8 (495) 628-04-75,
факс: 8 (495)621-90-83; e-mail: mgnpinfo@mgnp.info; URL: www.mgnp.info

Нотариусам города Москвы

Уважаемые коллеги!

В МГНП поступили сведения о случаях привлечения сторон нотариально удостоверенных сделок к ответственности за нарушение валютного законодательства в случаях, когда расчеты между физическими лицами – резидентами и нерезидентами осуществлялись путем передачи наличных денежных средств. В связи с этим Комиссия по методической работе и изучению практики применения законодательства в сфере нотариата обращает внимание нотариусов г. Москвы на следующее.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон о валютном регулировании) резидентами признаются физические лица, являющиеся гражданами Российской Федерации, а также постоянно проживающие в Российской Федерации на основании вида на жительство иностранные граждане и лица без гражданства. Остальные физические лица имеют статус нерезидентов.

К валютным операциям законом отнесены, помимо прочего, приобретение резидентом у нерезидента либо нерезидентом у резидента и отчуждение резидентом в пользу нерезидента либо нерезидентом в пользу резидента валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг на законных основаниях, а также **использование валютных ценностей, валюты Российской Федерации** и внутренних ценных бумаг в качестве средства платежа (пп. «б» п. 9 ч. 1 ст. 1 Закона о валютном регулировании).

В соответствии с ч. 3 ст. 14 Закона о валютном регулировании, **расчеты при осуществлении валютных операций производятся физическими лицами – резидентами через банковские счета в уполномоченных банках**, за исключением случаев, прямо предусмотренных Законом о валютном регулировании¹.

На основании изложенного, при удостоверении сделки с участием нерезидента рекомендуем обращать особое внимание на соответствие условий о расчетах требованиям Закона о валютном регулировании.

Президент
Московской городской нотариальной палаты

К.А. Корсик

¹ В качестве исключения, например, допускается перевод без открытия банковского счета физическим лицом – резидентом в пользу нерезидента на территории РФ, получение физическим лицом – резидентом перевода без открытия банковского счета на территории Российской Федерации от нерезидента, а также ограниченный суммой перевод физическим лицом – резидентом из РФ и получение в РФ физическим лицом – резидентом перевода без открытия банковских счетов, а также почтового перевода (п. 6 и п. 9 ч. 3 ст. 14 Закона о валютном регулировании; Положение Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П, Указание Банка России от 30 марта 2004 г. № 1412-У).

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Москва, 101000, Бобров пер., д. 6, стр. 3; тел. 8 (495) 623-54-86, 8 (495) 628-04-75,
факс: 8 (495)621-90-83; e-mail: mgnpinfo@mgnp.info; URL: www.mgnp.info

Нотариусам города Москвы

Уважаемые коллеги!

Направляю Вам для сведения и использования в работе письмо Федеральной нотариальной палаты от 15.01.2020 № 121/03-16-3 с Обзором судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

Приложение: на 36 л.

Президент
Московской городской нотариальной палаты

К.А. Корсик

**Президентам
нотариальных палат
субъектов Российской Федерации**

Уважаемые коллеги!

В связи с утверждением Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 года Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (далее – Обзор) обращаю внимание на следующее.

1. Пункт 2 Обзора разъясняет, что решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения.

Таким образом, если в соответствии со статьей 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации уставом общества с ограниченной ответственностью не предусмотрен иной способ подтверждения решения общего собрания участников общества и участники общества хотят избрать альтернативный способ подтверждения решением общего собрания участников общества, то принятие такого решения требует нотариального удостоверения в порядке, установленном статьей 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Обращаю также внимание, что пунктом 107 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что решения очных собраний участников хозяйственных обществ, не удостоверенные нотариусом или лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров и выполняющим функции счетной комиссии, в порядке, установленном подпунктами 1–3 пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, если иной способ удостоверения не предусмотрен уставом общества с ограниченной ответственностью либо решением общего собрания участников такого общества, принятым участниками общества единогласно, являются ничтожными применительно к пункту 3 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В связи с этим если нотариусу для совершения нотариального действия представляется протокол общего собрания участников хозяйственного общества, содержащий решение общего собрания, принятое после 25 декабря 2019 года, принятие которого не подтверждено в соответствии с указанными выше требованиями, то нотариус не может принять такой документ для подтверждения каких-либо обстоятельств.

Если в подтверждение принятия решения общего собрания участников общества представляется предшествующее решение общего собрания о выборе альтернативного способа подтверждения решения на будущее время, такое предшествующее решение должно быть удостоверено нотариусом или подтверждено иным способом в порядке, установленном уставом общества.

2. Пункт 3 Обзора разъясняет, что требование о нотариальном удостоверении, установленное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, распространяется и на решение единственного участника.

Ранее Федеральная нотариальная палата в пункте 2.3 Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших, при его принятии разъясняла, что на общество с ограниченной ответственностью, состоящее из одного участника, положения статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не распространяются. Вместе с тем, в связи с разъяснениями, данными в Обзоре, Федеральная нотариальная палата рекомендует нотариусам при предоставлении для совершения нотариального действия решения единственного участника, принятого после 25 декабря 2019 года, проверять его надлежащее подтверждение.

При этом обращаю внимание, что нотариальное действие удостоверение решения органа управления юридического лица, совершаемое в соответствии со статьей 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, применяется только при удостоверении решений коллегиальных органов управления юридического лица, поскольку требует участия нотариуса в собрании или заседании органа управления.

Исходя из системного толкования статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 17 (пункт 3) и 39 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также пункта 3 Обзора, по мнению Федеральной нотариальной палаты, решение единственного участника общества с ограниченной ответственностью может быть подтверждено в достаточной степени путем проверки личности и полномочий лица, подписывающего соответствующий документ, что полностью соответствует действиям, совершаемым нотариусом при свидетельствовании подлинности подписи.

В связи с этим для подтверждения решения единственного участника общества с ограниченной ответственностью рекомендуется свидетельствовать подлинность подписи единственного участника общества на таком решении. То же действие может применяться и для подтверждения принятия решения единственным акционером.

Прошу довести данную информацию до сведения нотариусов – членов нотариальных палат субъектов Российской Федерации.

Приложение: по тексту на 33 листах.

Президент
Федеральной нотариальной палаты

К.А. Корсик

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
25 декабря 2019 года

Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах

Верховным Судом Российской Федерации в соответствии со статьями 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» проведено обобщение судебной практики применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами законодательства Российской Федерации о хозяйственных обществах.

За последние несколько лет в законодательство о хозяйственных обществах внесены масштабные изменения, которые были подготовлены в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и разработанной во исполнение данного указа Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Так, федеральными законами от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»; от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»; от 3 июля 2016 года № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» и другими существенно изменен порядок создания и регистрации хозяйственных обществ; изменен порядок согласования и одобрения сделок с участием хозяйственных обществ, внесены другие изменения, направленные на совершенствование правового регулирования деятельности данных юридических лиц.

Некоторые из указанных положений уже получили разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» и др.

Изучение судебной практики показало, что в целом законодательство о хозяйственных обществах судами применяется правильно.

Вместе с тем в ходе проведенного обобщения судебной практики выявлены различные правовые подходы судов к разрешению отдельных вопросов, связанных с управлением и участием в хозяйственных обществах, что влечет ошибки при рассмотрении конкретных дел.

Целью подготовленного Обзора является обеспечение единообразного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами законодательства Российской Федерации о хозяйственных обществах, а также устранение противоречивых подходов при рассмотрении сходных юридических дел.

Спор, вытекающий из договора займа, заключенного между физическим лицом и хозяйственным обществом и не содержащего условий об осуществлении прав участников общества, об управлении обществом, о приобретении или об отчуждении долей в уставном капитале общества, подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции. Указанный спор рассматривается судом общей юрисдикции и в том случае, если займодавец является одним из участников этого общества.

П. обратился в суд общей юрисдикции с иском к обществу с ограниченной ответственностью (далее – ООО) о взыскании денежных сумм, в обоснование которого указал, что между ним и ответчиком были заключены договоры займа. Обязательства по передаче денег по данным договорам он исполнил, однако денежные средства ответчиком в срок не возвращены.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением коллегии по гражданским делам городского суда, производство по делу прекращено с указанием на то, что данный спор подлежит разрешению арбитражным судом¹.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Судом первой инстанции установлено, что между истцом (займодавцем) и ответчиком (заемщиком) заключены договоры займа в целях пополнения оборотных средств общества.

Судом также установлено, что П. является участником ООО и являлся им на момент заключения договоров займа.

Прекращая производство по делу, суд первой инстанции, сославшись на положения абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, указал, что исковые требования заявлены П. по спору между участником и самим обществом (корпоративный спор), поэтому такие требования подлежат разрешению арбитражным судом, а не судом общей юрисдикции.

Между тем требования истца по настоящему делу не входят в перечень корпоративных споров, относящихся к компетенции арбитражных судов, указанных в статье 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – АПК РФ). Указанный спор вытекает из договоров займа, заключенных между физическим лицом и хозяйственным обществом, не содержит никаких условий об осуществлении прав участника, об управлении обществом, о приобретении или об отчуждении доли в уставном капитале общества и поэтому подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции и в том случае, если займодавец является одним из участников этого общества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определение суда первой инстанции и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам городского суда отменила, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения.

Общество представило в регистрирующий орган заявление о государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, в том числе протокол общего собрания участников, на котором было принято решение о внесении соответствующих изменений.

Решением регистрирующего органа обществу отказано в государственной регистрации указанных изменений со ссылкой на подпункт «а» пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения общества в арбитражный суд с требованием о признании незаконным решения регистрирующего органа.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из отсутствия у регистрирующего органа правовых оснований для отказа в государственной регистрации, поскольку общество представило все необходимые для этого документы.

¹ Фабула дела основана на деле, рассмотренном до вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с частью 2.1 статьи 33 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ, если при рассмотрении дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом.

Судебные акты судов первой и апелляционной инстанций были отменены судом кассационной инстанции с вынесением нового решения об отказе в удовлетворении требования по следующим основаниям.

Из оспариваемого решения регистрирующего органа следовало, что регистрирующий орган счел непредставленным протокол общего собрания участников ввиду несоблюдения обществом требования подпункта 3 пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о его нотариальном удостоверении.

Согласно подпункту 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ принятие общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются путем нотариального удостоверения, если иной способ (подписание протокола всеми участниками или частью участников; с использованием технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения; иным способом, не противоречащим закону) не предусмотрен уставом такого общества либо решением общего собрания участников общества, принятым участниками общества единогласно.

Суд кассационной инстанции указал, что суды первой и апелляционной инстанций проигнорировали довод о том, что решение общего собрания, которым устанавливался иной способ подтверждения, не было удостоверено нотариально.

С учетом изложенного арбитражные суды, по мнению суда кассационной инстанции, пришли к ошибочному выводу о представлении обществом в регистрирующий орган всех необходимых для государственной регистрации документов и неправомерно удовлетворили заявленные им требования.

В связи с этим суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся судебные акты и отказал в удовлетворении требования.

3. Требование о нотариальном удостоверении, установленное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, распространяется и на решение единственного участника.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в регистрирующий орган с заявлением о внесении в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) сведений о начале процедуры реорганизации юридического лица в форме присоединения к нему другого юридического лица.

Регистрирующий орган вынес решение об отказе в государственной регистрации юридического лица в связи с отсутствием нотариального удостоверения решения единственного участника общества, необходимого в силу подпункта 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ.

Отказ регистрирующего органа был обжалован в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены, поскольку суды сочли, что законодательство не требует нотариально удостоверить решение единственного участника общества.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции отменил, в удовлетворении требования отказал, указав, что подпункт 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ направлен на то, чтобы исключить фальсификацию решения, принимаемого высшим органом управления общества, и действие указанной нормы в равной мере распространяется и на решение единственного участника общества, которое также подвержено риску фальсификации.

Кроме того, закон не содержит исключения в отношении решений, единственного участника в части требования о нотариальном удостоверении, установленного подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ.

4. При приобретении обществом с ограниченной ответственностью доли участника, потребовавшего выкупа своей доли в связи с принятием решения об одобрении крупной сделки или увеличения уставного капитала, предварительного обращения участника к обществу с предложением заключить договор об отчуждении доли и с заявлением о выходе из состава участников не требуется. Выкуп доли осуществляется на основании своевременно предъявленного требования участ-

ника путем выплаты такому участнику действительной стоимости его доли в установленный в законе срок.

Участнику общества Г. стало известно о проведении внеочередных общих собраний участников общества, на которых были приняты решения об одобрении крупных для общества сделок. Г. участия в них не принимал, за одобрение сделок не голосовал, поэтому обратился к обществу с требованием о выкупе принадлежащей ему доли в уставном капитале общества.

Уклонение от исполнения обязанности по приобретению доли в уставном капитале и отказ в выплате ее действительной стоимости послужили основаниями для обращения Г. в арбитражный суд с иском о взыскании с общества действительной стоимости доли уставного капитала общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении иска, суды посчитали, что Г. нарушена установленная Федеральным законом от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и уставом общества процедура отчуждения доли, поскольку он не направлял обществу предложение по отчуждению доли и заявление о выходе из состава участников.

Суд кассационной инстанции отменил названные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно пункту 2 статьи 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в случае принятия общим собранием участников общества решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала общества в соответствии с пунктом 1 статьи 19 названного федерального закона общество обязано приобрести по требованию участника общества, голосовавшего против принятия такого решения или не принимавшего участия в голосовании, долю в уставном капитале общества, принадлежащую этому участнику.

Таким образом, при приобретении обществом доли в его уставном капитале в указанном выше порядке предварительного обращения участника к обществу с предложением заключить договор об отчуждении доли или с заявлением о выходе из состава участников не требуется. Вместе с тем закон не исключает и права сторон вместо направления участником такого требования заключить соответствующий договор о приобретении доли.

5. Решение общего собрания участников (акционеров) подлежит признанию недействительным независимо от того, каким размером доли в уставном капитале (количеством акций) владеет истец, в случае если доказано существенное нарушение процедуры созыва общего собрания участников (акционеров), которое воспрепятствовало участнику (акционеру) реализовать право на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом.

Акционер К. обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительным решения общего собрания акционеров общества в связи с нарушением процедуры созыва такого собрания.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции указал на то, что обществом при подготовке оспариваемого внеочередного общего собрания акционеров нарушены требования пункта 1 статьи 52, пункта 2 статьи 60 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах), а именно: акционер, обратившийся с иском в суд, не извещался о проведении общего собрания, и ему не предоставлялся бюллетень для голосования. Это, как указал суд, повлекло ущемление прав акционера на участие в управлении делами акционерного общества и на участие в принятии решений, а также лишило его возможности влиять законным способом на мнения других акционеров.

Отменяя принятое по делу решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что акционер К. обладал только одним процентом голосующих акций и потому его голосование не могло повлиять на принимаемое решение (пункт 4 статьи 181.4 ГК РФ).

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

7. Наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника из общества.

М. обратился в арбитражный суд с иском об исключении Н. из состава участников общества с ограниченной ответственностью (далее – общество).

Н. предъявила встречный иск об исключении М. из состава участников общества.

Взаимные требования М. и Н. об исключении друг друга из общества мотивированы совершением каждым из них действий, затрудняющих деятельность общества.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении первоначального и встречного исков отказано.

Рассмотрев кассационную жалобу, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации судебные акты нижестоящих инстанций отменила, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций не оценивали приведенные в первоначальном и встречном исках обстоятельства, касающиеся нарушения участниками своих обязанностей, создания ими препятствий для осуществления деятельности общества или существенного ее затруднения. Доводы о совершении Н. и М. конкретных действий (бездействия), повлекших наступление (возможность наступления) для общества негативных последствий, судами не проверялись.

Вместо этого суды указали на наличие в обществе корпоративного конфликта между двумя участниками, обладающими равными долями в уставном капитале общества (по 50 процентов каждый), и, по сути, исходили из невозможности применения института исключения участника в подобном случае.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации признала, что данный вывод судов ошибочен, указав, что наличие корпоративного конфликта присуще любому спору об исключении участника, именно за его разрешением и обращаются в суд спорящие стороны, в связи с этим недопустим отказ судов рассматривать такой спор по существу со ссылкой на наличие корпоративного конфликта.

Равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта также не является основанием для отказа в иске об исключении участника из общества.

По делам об исключении участников, где предъявлено встречное требование об исключении истца, и ситуация равного распределения долей между двумя участниками не является исключением, суд должен оценить наличие оснований для исключения в отношении каждого из участников спора в соответствии с абзацем четвертым пункта 1 статьи 67 ГК РФ.

8. Закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответственностью его участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества.

М. обратился в арбитражный суд первой инстанции с требованием об исключении из общества участников Б. и Ф., обладающих в совокупности 2/3 уставного капитала общества (Б. – 1/3, Ф. – 1/3). В качестве основания для предъявления требования истцом указано на совершение ответчиками действий, причинивших значительный ущерб обществу (продажа имущества общества по заниженной по сравнению с рыночной в три раза цене).

Суд первой инстанции требования удовлетворил, установив факт совершения ответчиками указанных действий. В частности, Б., являясь директором общества, совершал сделки по отчуждению имущества от имени общества в пользу общества А., участниками в котором выступали Б. и Ф.

Б. и Ф. обратились с апелляционной жалобой, указывая, что суд первой инстанции неправомерно проигнорировал тот факт, что в совокупности участники обладают 2/3 уставного капитала общества и не могут быть исключены из общества.

Суд апелляционной инстанции установил, что устав общества предусматривает право на свободный выход из общества. В связи с этим суд отменил решение суда первой инстанции и указал, что участники, обладающие более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества, при наличии права на свободный выход из общества не могут быть исключены из общества.

Суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменил, решение суда первой инстанции оставил без изменения. Суд кассационной инстанции указал, что установленные судами обстоятельства свидетельствовали о наличии оснований для исключения Б. и Ф. из общества в соответствии с абзацем четвертым пункта 1 статьи 67 ГК РФ. Закон не устанавливает ограничений на исключение участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. При этом суд отметил, что истцом были представлены достаточные доказательства возможности продолжения деятельности общества, в случае если будет произведена выплата стоимости доли исключенного участника.

Постановление суда апелляционной инстанции было отменено, решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

9. Согласно пункту 1 статьи 67 ГК РФ достаточным основанием для удовлетворения требования об исключении участника выступает причинение существенного ущерба обществу. Возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

И. обратился в арбитражный суд с иском об исключении Б. из состава участников общества.

Как установил суд первой инстанции, Б., занимая должность генерального директора, совершил сделку по отчуждению здания, принадлежащего обществу, по цене более чем в четыре раза ниже его рыночной стоимости. В результате отчуждения этого имущества нормальной деятельности общества был нанесен существенный ущерб.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования об исключении Б. из общества, мотивируя это тем, что исключение участника из общества является крайней мерой, связанной с лишением права на долю участия в обществе, которая может применяться лишь тогда, когда последствия действий участника не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом. В данном случае, по мнению суда первой инстанции, И. имеет возможность оспорить сделку по отчуждению имущества, а также взыскать убытки, причиненные Б. Кроме того, Б. на момент рассмотрения спора не являлся генеральным директором общества.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, требование удовлетворил, указав, что согласно пункту 1 статьи 67 ГК РФ достаточным основанием для удовлетворения требования об исключении участника выступает причинение существенного ущерба обществу. Возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

10. Уклонение участника общества от исполнения решения суда о ликвидации общества является основанием для назначения судом арбитражного управляющего, а не для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда о ликвидации. Неисполнение и ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим обязанностей по осуществлению ликвидационных мероприятий могут являться основаниями для его отстранения и утверждения нового арбитражного управляющего по заявлению участников общества, кредиторов или иных заинтересованных лиц, а не для выдачи исполнительного листа.

Центральный банк Российской Федерации (далее – Регулирующий орган) обратился в арбитражный суд первой инстанции с иском к обществу с ограниченной ответственностью (далее – Общество), к В.М.С, к Я.С.П. о ликвидации Общества, возложении на учредителей обязанности по осуществлению ликвидации, об установлении учредителям срока для осуществления связанных с ликвидацией действий.

Решением арбитражного суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

В порядке апелляционного и кассационного производств судебный акт обжалован не был и вступил в законную силу.

Регулирующий орган обратился в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о направлении исполнительного листа для принудительного исполнения судебного акта в службу судебных приставов по месту нахождения Общества.

Заявление Регулирующего органа мотивировано неисполнением судебного акта в добровольном порядке.

Определением арбитражного суда первой инстанции в удовлетворении заявления Регулирующего органа отказано.

Определение суда первой инстанции мотивировано отсутствием положений законодательства, предусматривающих выдачу исполнительного листа по заявлению о ликвидации юридического лица; неисполнение обязанности по ликвидации служит основанием для назначения нового ликвидатора.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Регулирующий орган обратился в арбитражный суд кассационной инстанции и просил состоявшиеся судебные акты отменить и обязать суд первой инстанции выдать исполнительный лист.

В обоснование поданной по делу кассационной жалобы Регулирующий орган сослался на незаконность и необоснованность судебных актов. Судебными инстанциями, по мнению заявителя кассационной жалобы, не учтено следующее: назначенные судом ликвидаторы не принимают мер по добровольному исполнению решения о ликвидации, отказ в выдаче исполнительного листа препятствует обращению Регулирующего органа в службу приставов за принудительным исполнением судебного акта, Регулирующий орган не вправе выступать ликвидатором, выдача исполнительного листа является единственным способом понудить ликвидаторов к исполнению судебного акта.

Суд кассационной инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения жалобы, исходя из следующего.

Пунктом 5 статьи 61 ГК РФ установлено, что решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица. Неисполнение решения суда является основанием для осуществления ликвидации юридического лица арбитражным управляющим (пункт 5 статьи 62 ГК РФ) за счет имущества юридического лица.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) либо уполномоченные его учредительными документами органы возложены обязанности по осуществлению ликвидации, однако в установленный срок ликвидация юридического лица не произведена, суд назначает ликвидатора и поручает ему осуществить ликвидацию юридического лица.

В пункте 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 года № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, если учредители (участники) юридического лица либо орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительными документами, своевременно не представят в арбитражный суд утвержденный ими ликвидационный баланс или не завершат ликвидацию юридического лица, суд по ходатайству истца выносит в судебном заседании определение о назначении ликвидатора.

Судебные инстанции правомерно указали, что уклонение учредителя (участника) общества от исполнения решения суда о ликвидации общества является основанием для назначения судом ликвидатора, а не для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда о ликвидации. Неисполнение на-

значенным судом ликвидатором обязанностей по осуществлению ликвидационных мероприятий может являться основанием для его отстранения и утверждения нового ликвидатора.

11. Суд вправе назначить арбитражного управляющего, если при вынесении решения о ликвидации юридического лица по основаниям, указанным в статье 61 ГК РФ (далее – решение о ликвидации юридического лица, решение о его ликвидации), придет к выводу о невозможности возложения обязанности по ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, в том числе по причине того, что указанные лица не заинтересованы в исполнении решения суда и (или) их действия по исполнению решения суда неизбежно приведут к возникновению новых судебных споров.

С. обратился в арбитражный суд первой инстанции с требованием о ликвидации Акционерного общества (далее – общество) и о назначении ликвидатором общества арбитражного управляющего. В качестве основания для ликвидации истец указал, что в обществе существует длительный корпоративный конфликт, который делает невозможным достижение целей, ради которых создано общество, осуществление деятельности юридического лица считает невозможным. В частности, указывалось на наличие многочисленных судебных споров (о взыскании убытков, об оспаривании сделок, об оспаривании решений общих собраний акционеров общества, о представлении документации и др.). Также отмечается, что до настоящего времени не удается принять решение об избрании единоличного исполнительного органа.

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено, ликвидация общества возложена на арбитражного управляющего В., установлен срок ликвидации – шесть месяцев с даты вступления решения суда в законную силу.

Ответчик обратился с апелляционной жалобой, отмечая, что основания для ликвидации отсутствуют, поскольку имеется возможность продолжения прибыльной деятельности обществом, не исчерпаны другие способы решения конфликта (продажа истцом своих акций), а также указал на неправомерность возложения функций ликвидатора на арбитражного управляющего.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части назначения арбитражного управляющего В. в качестве ликвидатора, в остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменений. При этом суд отметил, что сама по себе возможность продолжения прибыльной деятельности не исключает ликвидацию в связи с длительным корпоративным конфликтом, который приводит к невозможности или затруднению осуществления деятельности. Относительно доводов о неисчерпанности иных способов решения конфликта, в частности продажи истцом акций, суд указал, что не представлены доказательства того, что истцу предлагалась продажа его акций по рыночной цене.

Мотивируя отмену решения суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции отметил, что положения пункта 5 статьи 61 и пункта 5 статьи 62 ГК РФ предполагают назначение арбитражного управляющего в качестве ликвидатора только в случае, если обязанности по проведению ликвидации не исполняются надлежащим образом учредителями (участниками) или органом юридического лица, уполномоченным в соответствии с учредительным документом на ликвидацию юридического лица.

Постановлением суда кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменено в части отмены части решения суда первой инстанции, которое оставлено без изменения. При этом отмечено, что доводы ответчика основаны на неверном толковании норм права, не соответствуют разъяснениям, содержащимся в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и пункте 9 информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 года № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В части довода ответчика о нарушении порядка назначения арбитражного управляющего суд кассационной инстанции отметил, что суд вправе назначить арбитражного управляющего в качестве ликвидатора, если при вынесении решения о ликвидации юридического лица по основаниям, указанным в статье 61 ГК РФ, придет к выводу о невозможности возложения обязанности по ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, в том числе по причине того, что указанные лица были виновны в нарушении закона, ставшем основанием для ликвидации, или их местонахождение неизвестно либо они не заинтересованы в исполнении решения суда и (или) их действия по исполнению решения суда неизбежно приведут к возникновению новых судебных споров. Например, в данном случае суд правомерно назначил арбитражного управляющего в качестве ликвидатора, принимая во внимание длительный внутрикорпоративный конфликт между акционерами.

12. Решение общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов может быть признано недействительным в случае, если его принятие не обусловлено интересами общества, например необходимостью привлечения значительного объема денежных средств для осуществления деятельности общества, и приведет к уменьшению доли участников общества, несогласных с таким увеличением уставного капитала.

М. обратился с иском о признании недействительным решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала общества за счет внесения его участниками дополнительных вкладов пропорционально их долям.

В обоснование своих требований истец ссылаясь на статью 10 ГК РФ и статью 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, отмечая недобросовестное поведение остальных участников, поскольку увеличение уставного капитала общества повлекло уменьшение доли истца, а также то, что разумной необходимости в увеличении уставного капитала не было.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, удовлетворил иск, поддержав доводы истца.

В кассационной жалобе заявитель указал, что суды неправильно применили статьи 19 и 43 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Также заявитель считал, что само по себе оспоренное решение общего собрания участников не повлекло неблагоприятных последствий для М., так как процесс увеличения уставного капитала Общества не завершен; следовательно, размер доли этого участника не изменился. До подведения итогов увеличения уставного капитала и осуществления соответствующих регистрационных действий в налоговом органе целесообразность данного действия не имеет правового значения для разрешения настоящего спора.

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для отмены обжалованных судебных актов в силу следующего.

Как было установлено судами, М. являлся участником общества с долей в уставном капитале, равной 1/3, наряду с двумя другими участниками, каждому из которых принадлежало по 1/3 доли в уставном капитале общества.

На внеочередном общем собрании участников общества, на котором присутствовали все участники, было принято большинством голосов (2/3) оспариваемое решение об увеличении уставного капитала общества на 30 млн руб. за счет внесения в течение месяца с даты принятия решения дополнительных вкладов от каждого участника по 10 млн руб. М. голосовал против данного решения, дополнительный вклад не вносил.

М. считал указанное решение общего собрания незаконным, поскольку оно принято в отсутствие необходимости увеличения уставного капитала Общества и направлено на уменьшение его доли.

В силу пункта 1 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» решение общего собрания участников общества, принятое с нарушением требований указанного федерального закона, иных правовых актов Российской Федерации, устава общества и нарушающее права и законные интересы участника общества, может быть признано судом недействительным по заявлению участника общества, не принимав-

шего участия в голосовании или голосовавшего против оспариваемого решения. Такое заявление может быть подано в течение двух месяцев со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении. В случае если участник общества принимал участие в общем собрании участников общества, принявшем обжалуемое решение, указанное заявление может быть подано в течение двух месяцев со дня принятия такого решения.

Из приведенной нормы права следует, что для признания решения собрания участников общества с ограниченной ответственностью недействительным необходима совокупность следующих условий: противоречие такого решения требованиям законодательства и нарушение им прав и законных интересов конкретного участника общества.

Интерес общества в привлечении дополнительного капитала может не соответствовать интересам конкретных участников общества в сохранении размера своих долей и существующего соотношения между ними.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2014 года № 3-П изложена позиция о том, что уменьшение в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью доли одного из его участников может быть признано допустимым с точки зрения конституционных принципов, если это вызвано целями достижения общего для данного общества интереса и участнику, доля которого уменьшается, обеспечены эффективные механизмы защиты его интересов.

В нарушение статьи 65 АПК РФ ответчик не представил доказательств разумной необходимости привлечения значительного объема денежных средств именно посредством увеличения уставного капитала, а также недостаточности собственных денежных средств для осуществления деятельности общества и отсутствия иных разумных альтернатив, которые бы не приводили к таким негативным последствиям для миноритариев, как уменьшение их доли.

Данное обстоятельство позволило судам первой и апелляционной инстанций сделать вывод о том, что обжалованное решение общего собрания не обусловлено необходимостью достижения интереса общества, который в соотношении с интересом истца на момент принятия такого решения являлся более значимым (приоритетным), а интересу истца обеспечен эффективный механизм защиты. Следовательно, уменьшение в уставном капитале общества доли М. не могло быть признано допустимым с точки зрения конституционно значимых принципов сохранения баланса интересов сторон и недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц.

13. Решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным в случае, если оно принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера) и при этом участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды, имеются иные доказательства его недобросовестности, неразумности (например, заведомая невыгодность одобренной сделки).

К. обратился с иском о признании недействительным решения общего собрания участников, которым одобрены сделка купли-продажи имущества общества, а также положение о порядке премирования членов совета директоров общества.

К. является участником общества с долей в уставном капитале в размере 30 процентов, другие 30 процентов принадлежат З., еще 40 процентов – Т.

За принятие оспариваемого решения проголосовали З. и Т., против голосовал К.

В обоснование своих требований К. ссылаясь на то, что условия одобренной сделки противоречили интересам общества, поскольку цена отчуждаемого имущества была занижена более чем в десять раз по сравнению с его рыночной стоимостью. При этом К. представил отчет о рыночной оценке отчуждаемого имущества.

Относительно одобренного положения о порядке премирования членов совета директоров общества К. пояснил, что оно устанавливало неоправданные величины премий.

Суд первой инстанции отклонил заявленные требования, мотивируя это тем, что суд не вправе оценивать экономическую и предпринимательскую целесообразность принимаемых общим собранием решений.

К. обжаловал данное решение суда в суд апелляционной инстанции, указав на то, что суд не вправе отказаться от оценки решения собрания по существу при наличии доказательств того, что участники, принявшие решения, действовали в собственной выгоде, а также имеются иные доказательства их недобросовестности, в частности заведомая невыгодность одобренной сделки.

Суд апелляционной инстанции согласился с приведенными доводами и признал решение общего собрания участников недействительным (статья 10 ГК РФ, статья 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», статья 181.4 ГК РФ), отменив решение суда первой инстанции. При этом суд дополнительно указал, что доказательством недобросовестности участников, голосовавших за принятие решения об одобрении положения о порядке премирования, служит тот факт, что они сами являлись членами совета директоров общества, а значит, потенциальными непосредственными бенефициарами премий. Кроме того, положение содержало экономически не мотивированные основания для выплаты премий, в частности десять процентов от размера внутреннего фонда оплаты труда.

Суд кассационной инстанции жалобу общества на постановление суда апелляционной инстанции оставил без удовлетворения.

14. Суд может отказать в признании решения общего собрания, не получившего необходимого большинства голосов, недействительным в том случае, если будет установлено, что участник, без голосов которого решение не может быть принято, без уважительных причин уклонялся от участия в собрании и препятствовал принятию общим собранием участников значимых хозяйственных решений, отсутствие которых существенно затруднило деятельность общества (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

Ф. обратился в арбитражный суд с требованием о признании недействительным решения общего собрания участников, основываясь на том, что такое решение было принято в отсутствие большинства голосов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требование удовлетворено. Суд указал, что решения общего собрания участников общества, принятые без необходимого для принятия решения большинства голосов участников общества, являются недействительными (пункт 6 статьи 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В данном случае Ф. обладал 40 процентами голосов и без его участия было невозможно избрать директора и одобрить новую редакцию устава, поскольку в соответствии с уставом общества эти вопросы требовали большинства – не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества.

Общество обжаловало решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в суд кассационной инстанции, указав, что оспариваемое решение не получило необходимого большинства голосов вследствие уклонения Ф. от участия в общем собрании. Также общество указало, что со стороны Ф. уже длительное время наблюдается систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общих собраниях участников общества, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения, без которых деятельность общества существенно затруднялась.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены и в удовлетворении требования о признании недействительным решения общего собрания участников отказано, поскольку участник общества сам способствовал созданию данной ситуации и потому не может требовать признать недействительным решение общего собрания участников (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

В данном случае из обстоятельств дела следовало, что бездействие истца, уклонившегося от участия в двух общих собраниях подряд, заведомо влекло существенное затруднение деятельности общества (невозможность избрать директора и одобрить новую редакцию устава, приведенную в соответствие с законом, без чего общество встречало затруднения в получении кредитов в кредитных организациях).

Возражения Ф. о том, что он не смог принять участие в названных трех общих собраниях по уважительной причине – вследствие длительной болезни, были отклонены судом, который указал, что участник не был лишен возможности направить своего представителя для участия в общем собрании участников, тем более что ранее его представитель участвовал в двух общих собраниях, состоявшихся перед теми собраниями, от участия в которых ответчик уклонился.

15. В случае если размер денежных средств, необходимых для выкупа акций на основании статьи 75 Закона об акционерных обществах в связи с его реорганизацией, превышает 10 процентов стоимости чистых активов акционерного общества на дату принятия решения о реорганизации, общество в соответствующей равной пропорции выкупает только то количество акций, стоимость которых не превышает соответствующего ограничения. Оставшиеся невыкупленными ценные бумаги подлежат обмену на акции (доли) реорганизованного (реорганизованных) общества (обществ).

Л., являющийся акционером общества Б., обратился в суд с требованием об обязанности признать его участником общества с ограниченной ответственностью Б., созданного в результате преобразования акционерного общества Б.

Суд первой инстанции в удовлетворении требований отказал, установив, что стоимость акций, принадлежащих Л. и предъявленных к выкупу в соответствии со статьей 75 Закона об акционерных обществах, превышала 10 процентов стоимости чистых активов общества.

В связи с этим, по мнению суда, общество действовало правомерно, применив коэффициент перерасчета, позволивший определить количество акций, которые общество могло выкупить, не превышая 10-процентный лимит чистых активов. В результате была выкуплена лишь часть принадлежащих Л. акций, а оставшиеся акции были признаны погашенными.

Данное решение было оставлено без изменения судом апелляционной инстанции.

Решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение судом кассационной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 75 Закона об акционерных обществах, если акционеры – владельцы голосующих акций голосовали против принятия решения о реорганизации либо не принимали участия в голосовании по этому вопросу, то они вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций в случае принятия общим собранием акционеров решения о реорганизации общества.

Как указано в пункте 5 статьи 76 Закона об акционерных обществах, общая сумма средств, направляемых обществом на выкуп акций, не может превышать 10 процентов стоимости чистых активов общества на дату принятия решения, которое повлекло возникновение у акционеров права требовать выкупа обществом принадлежащих им акций. В случае если общее количество акций, в отношении которых заявлены требования о выкупе, превышает количество акций, которое может быть выкуплено обществом с учетом установленного выше ограничения, акции выкупаются у акционеров пропорционально заявленным требованиям.

Вместе с тем в законе прямо не установлены последствия в отношении той части акций, предъявленных к выкупу их владельцем, голосовавшим против принятия решения о реорганизации, для выкупа которых необходимы денежные средства, превышающие 10% стоимости чистых активов общества.

Пунктами 1 и 2 статьи 1 ГК РФ предусмотрено, что гражданское законодательство основывается в том числе на признании равенства участников регулируемых им отношений и неприкосновенности собственности. Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В статье 35 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) закреплено, что право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего иму-

щества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Истеблишмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы», право на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности служит основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ – физических лиц, в том числе не являющихся предпринимателями, которые реализуют свои права через владение акциями, удостоверяющими обязательственные права ее владельца по отношению к акционерному обществу. Права требования также охватываются понятием имущества, а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав (часть 1 статья 46 Конституции).

В соответствии с пунктом 1 статьи 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

При этом принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 235 ГК РФ.

В связи с этим статья 75 Закона об акционерных обществах подлежит применению в системном толковании с положениями как Конституции, так и ГК РФ, которые исходят из недопустимости лишения права собственности без прямо предусмотренного законом основания, которое в данном случае отсутствовало.

Таким образом, все акционеры преобразуемого акционерного общества имеют право на получение доли (паев) в уставном (складочном) капитале во вновь создаваемом юридическом лице.

Признание акций погашенными лишило истца права на имущество в конституционно-правовом смысле, что противоречит положениям статьи 35 Конституции РФ и статьи 235 ГК РФ.

16. Лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). Ссылка единоличного исполнительного органа на то, что он исполнял решение общего собрания, не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу.

Общество К., являясь акционером общества Р., обратилось с иском о взыскании убытков с Д., являвшегося директором общества Р. Так, по мнению К., убытки были причинены тем, что Д. внес в качестве вклада в уставный капитал другого общества имущество стоимостью 6 млн руб., а взамен получил лишь 3 процента акций этого общества стоимостью 300 тыс. руб., что было заведомо невыгодной сделкой.

Суд первой инстанции требование удовлетворил, согласившись с доводами истца.

Решение суда первой инстанции было отменено судом апелляционной инстанции. Арбитражный апелляционный суд исходил из недоказанности истцом совокупности обстоятельств, необходимых для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков. В обоснование своих выводов суд апелляционной инстанции сослался на то, что решением общего собрания акционеров заключение сделки в виде внесения вклада в целях увеличения уставного капитала было согласовано и одобрено, что свидетельствовало о наличии воли и согласия акционеров на совершение такой сделки. В связи с этим, по мнению суда, подлежали отклонению ссылки истца на экономическую необоснованность заключенной сделки. При этом, как отметил суд апелляционной инстанции, соответствующее решение общего собрания акционеров не было оспорено и признано недействительным.

Суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменил, оставил в силе решение суда первой инстанции.

Как указал кассационный суд, арбитражным апелляционным судом не учтено то, что решения общего собрания акционеров, содержащие согласие на совершение сделок, сами по себе не являются основанием для безусловного их исполнения единоличным исполнительным органом общества, который обладает неотъемлемой автономией в принятии непосредственных решений о совершении сделок (пункты 1 и 2 статьи 69 Закона об акционерных обществах).

Решение общего собрания акционеров не содержало указание совершить сделку, а лишь только согласие на совершение сделки. Более того, по общему правилу, к компетенции общего собрания акционеров такие полномочия не отнесены, иное может быть предусмотрено уставом непубличного общества (пункт 4 статьи 48 Закона об акционерных обществах).

Однако даже в случае наличия такой компетенции у общего собрания акционеров лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие таких указаний не освобождает это лицо от обязанности действовать добросовестно в интересах общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ). При этом единоличный исполнительный орган не может ссылаться на то, что он просто исполняет решение общего собрания, как на основание освобождения его от ответственности за убытки, причиненные обществу, поскольку это часть его обязанностей – оценивать в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда. Такой подход препятствует единоличному исполнительному органу избегать ответственности, передавая вопросы на рассмотрение общего собрания акционеров.

Так, согласно пункту 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 53 ГК РФ).

Кроме того, общество К. на общем собрании акционеров голосовало против одобрения сделки в виде внесения вклада в целях увеличения уставного капитала.

Также ошибочным является вывод суда апелляционной инстанции о том, что препятствует взысканию убытков тот факт, что не оспорено решение общего собрания акционеров, которым одобрено совершение сделки, причинившей убыток обществу.

17. Сделка общества может быть признана недействительной по иску участника и в том случае, когда она хотя и не причиняет убытков обществу, тем не менее не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выразили согласие на совершение соответствующей сделки.

Л. обратилась в суд с требованием признать недействительным договор займа между обществом с ограниченной ответственностью (далее – Общество), участником с долей 40% которого она является, и К., который также является участником этого же Общества с долей 60% уставного капитала.

Л. мотивировала свое требование тем, что данная сделка заключена на невыгодных для Общества условиях, без соблюдения правил о сделках с заинтересованностью, а также что таким образом К. лишает ее права на получение прибыли от деятельности общества.

Суд первой инстанции требование удовлетворил, согласившись с доводами истца. Дополнительно судом был установлен факт того, что с момента получения займа и начала выплат процентов общество не распределяло прибыль общества.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и обратил внимание на то, что условия договора займа не отличались существенно от обычных условий, на которых заключаются такие договоры, а потому не могут быть признаны причиняющими ущерб интересам Общества, что является одним из необходимых условий для признания сделок с заинтересованностью недействительными (пункт 6 статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», пункт 2 статьи 174 ГК РФ).

Суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции отменил и отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Суды не учли, что составной частью интереса общества являются в том числе интересы участников. В связи с этим ущерб интересу общества также имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки.

Так, по общему правилу, деятельность любого коммерческого юридического лица (исходя из его уставных задач) имеет своей основной целью извлечение прибыли (пункт 1 статьи 50 ГК РФ). Обычным способом изъятия участниками денежных средств от успешной коммерческой деятельности принадлежащих им организаций является распределение прибыли в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Вместе с тем возможны ситуации, когда прибыль изымается в пользу отдельных участников посредством иных сделок общества, в том числе через выплату процентов по займу. Указанные действия не являются сами по себе незаконными и не нарушают прав остальных участников на получение причитающейся им части прибыли от деятельности общества (абзац второй пункта 1 статьи 67 ГК РФ), при условии, что остальные участники выражали согласие на такое распределение прибыли (например, голосовали в пользу одобрения сделки с заинтересованностью или же данный вопрос был урегулирован уставом общества либо корпоративным договором, заключенным между всеми участниками хозяйствующего субъекта) либо сами также фактически получают причитающуюся им часть прибыли общества.

Между тем ни суд первой инстанции, ни апелляционный суд при исследовании вопроса о причинении ущерба Обществу и его участникам не проверяли доводы истца о том, что фактически через выплату процентов по займу чистая прибыль хозяйствующего субъекта распределяется только в пользу К., притом что разумной необходимости в заключении такого договора займа не было.

18. Для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу в результате совершения такой сделки, поскольку достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и другая сторона знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах.

Ф., являясь участником акционерного общества Р., обратился с иском о признании недействительным договора, заключенного между Р. и К.

Ф., обосновывая свои требования, указал на то, что согласно оспариваемому договору было продано здание, которое принадлежало Р. и в котором осуществлялась его производственная деятельность, при этом стоимость этого здания составляла 53 процента от стоимости всех активов общества. В результате этой сделки общество Р. лишилось возможности осуществлять свою производственную деятельность. По мнению Ф., такая сделка требовала согласия в порядке одобрения крупных сделок (статья 78 Федерального закона «Об акционерных обществах»).

Суд первой инстанции своим решением, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении требования, указав, что, хотя сделка и не была одобрена, вместе с тем условия продажи здания являлись рыночными, а значит, сделка не причинила ущерба обществу.

Суд кассационной инстанции состоявшиеся судебные акты отменил, требование удовлетворил. Как указал суд, для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу, достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах. В данном деле эти обстоятельства были доказаны истцом.

19. Разногласия между акционером и обществом по поводу цены акций, определенной в ходе выкупа, осуществляемого в порядке статьи 75 Федерального закона «Об акционерных обществах», подлежат урегулированию по правилам, установленным статьей 445 ГК РФ.

В случае, если выкуп акций был произведен обществом без учета заявленного требования акционера о выкупе его акций по иной цене, акционер имеет право потребовать выкупить его акции по ранее указанной им цене.

С. являлся акционером общества «Ф», владевшим 40 акциями общества.

На внеочередном общем собрании акционеров было принято решение об одобрении крупных сделок с имуществом, которое составляет более 50 процентов от общей стоимости активов общества «Ф».

Решением Совета директоров общества «Ф» утверждена оценка выкупа акций: 80 руб. за одну акцию.

Не согласившись с выкупной ценой акций, С. направил обществу требование о выкупе ценных бумаг по справедливой, по его мнению, цене 100 руб. за акцию. Общество оставило его требование без ответа.

В связи с тем что ценные бумаги не были списаны со счета и истцу не выплачены денежные средства за ценные бумаги, он обратился в суд.

Отказывая в удовлетворении иска в части обязанности ответчика выкупить ценные бумаги по цене, указанной истцом, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что акционером не оспорены в установленном порядке результаты оценки, на которых было основано решение Совета директоров, утвердивших стоимость акций, подлежащих выкупу, общество «Ф» исполнило в полном объеме обязательства по выкупу ценных бумаг в соответствии с ценой, определенной в установленном порядке и не оспоренной заинтересованными лицами.

Суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся судебные акты, указав следующее.

В соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 75 Закона об акционерных обществах, если иное не предусмотрено федеральным законом, акционеры – владельцы голосующих акций вправе требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций, в том числе в случае принятия общим собранием акционеров решения о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет более 50 процентов от балансовой стоимости активов общества, определенной, по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности, на последнюю отчетную дату (в том числе одновременно являющейся сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность), если они голосовали против решения о согласии на совершение или о последующем одобрении указанной сделки либо не принимали участия в голосовании по этому вопросу.

Как указано в пункте 3 статьи 75 Закона об акционерных обществах, выкуп акций обществом осуществляется по цене, определенной советом директоров (наблюдательным советом) общества, но не ниже рыночной стоимости, которая должна быть определена оценщиком без учета ее изменения в результате действий общества, повлекших возникновение права требования оценки и выкупа акции.

В силу положений указанной выше нормы Закона об акционерных обществах на общество возлагается обязанность приобретения акций по рыночной цене. Решение Совета директоров и отчет оценщика являются лишь промежуточными этапами процедуры определения такой единой цены, которые не отменяют общую обязанность общества – заплатить рыночную стоимость ценных бумаг.

Таким образом, пункт 3 статьи 75 Закона об акционерных обществах может быть квалифицирован как частный случай обязательного заключения обществом договора по приобретению акций. При этом законодатель устанавливает порядок определения условий такого договора, в частности условия о цене.

В ситуации, когда у сторон имеются разногласия по условиям обязательного для заключения обществом договора – цене выкупа акций, спор об этом может быть передан на рассмотрение суда в порядке статьи 445 ГК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». В этом случае результаты оценки стоимости акций, положенные в основание цены, установленной Советом директоров, могут рассматриваться в качестве доказательства по делу, которое подлежит оценке судом при установлении покупной цены.

В случае если выкуп уже был произведен, а требование акционера о выкупе по иной цене – проигнорировано, такой акционер не лишен права в соответствии с пунктом 4 статьи 445 ГК РФ требовать от общества выкупить у него акции по цене, которая, по его мнению, является рыночной.

Как указывалось выше, С. именно таким образом и сформулировал свое требование к обществу.

В связи с этим решение суда первой инстанции, постановления апелляционного суда по данному делу были отменены с направлением дела в отмененной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

20. Для квалификации сделки в качестве крупной необходимо установить наличие у сделки не только количественного, но и качественного критерия, который заключается в том, что сделка заключалась с целью прекращения деятельности общества или изменения ее вида либо существенного изменения ее масштабов.

Л., являющийся акционером Общества, обратился с требованием об оспаривании кредитного договора, заключенного с банком.

Суд первой инстанции в удовлетворении требований отказал, мотивируя это тем, что размер кредита составлял 90% от размера всех активов Общества и потому, по мнению суда, без всяких сомнений являлся крупной сделкой для Общества.

Банк, обращаясь с апелляционной жалобой, указывал на то, что судом, по существу, не была проведена оценка сделки как крупной, поскольку не исследовался вопрос о том, насколько эта сделка отвечает качественной характеристике крупной сделки, как того требует Закон об акционерных обществах (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»). Суд апелляционной инстанции в удовлетворении жалобы отказал, оставил решение суда без изменения, сославшись на то, что исполнение кредитного договора могло бы привести к полному прекращению деятельности общества, поскольку размер кредита был значительным для общества.

Суд кассационной инстанции по жалобе Л. принял постановление об отмене решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции, а дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу статьи 78 Закона об акционерных обществах обязательным является наличие у сделки не только количественного критерия крупной сделки, но и качественного. Сама по себе большая сумма сделки не освобождает суд от необходимости проверять наличие качественного критерия крупной сделки. При этом бремя доказывания того, что сделка является крупной (с точки зрения как количественного критерия, так и качественного), возлагается на истца.

Опровергая выводы суда апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции указал, что определяющим для квалификации сделки как крупной является не предположение о том, к каким результатам могла привести или привела сделка, а то, что сделка изначально заключалась с целью прекращения деятельности общества или изменения ее вида либо существенного изменения ее масштабов. Поскольку кредитный договор заключался для поддержания ведения текущей деятельности и обновления оборудования, такая сделка не являлась крупной (пункт 4 статьи 78 Федерального закона «Об акционерных обществах»).

21. Внесение изменений в устав акционерного общества путем определения ликвидационной стоимости привилегированных акций напрямую затрагивает права акционеров владельцев привилегированных акций, поскольку определяет объем прав, предоставляемых такими ценными бумагами.

Л., являясь владельцем привилегированных акций, обратилась в суд первой инстанции с иском к акционерному обществу (далее – Общество) о признании недействительным решения общего собрания акционеров по вопросу внесения изменений в Устав Общества в целях приведения его в соответствие с действующим законодательством и определения размера ликвидационной стоимости привилегированных акций хозяйствующего субъекта в размере 75 руб. Истец мотивировала это тем, что решение было принято с нарушением пункта 4 статьи 32 Закона об акционерных обществах, который требует, чтобы решения общего собрания акционеров о внесении изменений в устав, ограничивающих права акционеров – владельцев привилегированных акций, принимались с соблюдением специальных правил, предусмотренных этой нормой, которая, в частности, устанавливает, что за принятие решения должны проголосовать три четверти голосов всех акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются. В данном случае соответствующее решение было принято только голосами владельцев обыкновенных акций.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требований отказано.

Суд отметил, что повестка общего собрания акционеров, решение которого оспаривает истец, не содержала вопросов, предусмотренных пунктом 4 статьи 32 Закона об акционерных обществах; рассмотренным собранием акционеров вопрос об установлении размера ликвидационной стоимости акций согласуется с требованиями закона, определение такой стоимости направлено на улучшение положения акционера.

По мнению судебных инстанций, у Л. как владельца привилегированных акций Общества права на голосование такими акциями на общем собрании акционеров не возникло, ее интересы оспариваемым решением не нарушены.

Суд кассационной инстанции, проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе, пришел к выводу о том, что принятые судебные акты подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно абзацу второму пункта 4 статьи 32 Закона об акционерных обществах акционеры – владельцы привилегированных акций определенного типа приобретают право голоса при решении на общем собрании акционеров вопросов о внесении изменений и дополнений в Устав общества, ограничивающих права акционеров – владельцев привилегированных акций этого типа, включая случаи определения или увеличения размера дивиденда и (или) определения или увеличения ликвидационной стоимости, выплачиваемых по привилегированным акциям предыдущей очереди, а также предоставления акционерам – владельцам привилегированных акций иного типа преимуществ в очередности выплаты дивиденда и (или) ликвидационной стоимости акций. Решение о внесении таких изменений и дополнений считается принятым, если за него отдано не менее чем три четверти голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, за исключением голосов акционеров – владельцев привилегированных акций, права по которым ограничиваются, и три четверти голосов всех акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются, если для принятия такого решения Уставом общества не установлено большее число голосов акционеров.

Внесение изменений в Устав акционерного общества путем определения ликвидационной стоимости привилегированных акций напрямую затрагивает права акционеров – владельцев привилегированных акций, поскольку фактически определяет объем предоставляемых прав такими ценными бумагами.

В частности, определение ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы (75 руб. за одну ценную бумагу) в данном конкретном случае подразумевало ограничение прав акционеров –

владельцев привилегированных акций, поскольку в отсутствие в Уставе ликвидационной стоимости они вправе были претендовать на такой же размер ликвидационной стоимости, какой причитается владельцам обыкновенных акций, а значит, потенциально неограниченный.

В связи с этим решение общего собрания акционеров по вопросу определения ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы, притом что такой размер ранее не был определен в Уставе Общества, могло быть принято только с соблюдением абзаца второго пункта 4 статьи 32 Закона об акционерных обществах, который требует того, чтобы за принятие решения проголосовало три четверти голосов всех акционеров владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются.

Следовательно, Л., являясь владельцем привилегированных акций, имела безусловное право на участие в проводимом собрании, ее голос должен был учитываться при определении кворума такого собрания и при голосовании по оспариваемому вопросу.

В соответствии с пунктом 10 статьи 49 Закона об акционерных обществах решения общего собрания акционеров, принятые при отсутствии кворума для проведения общего собрания акционеров или без необходимого для принятия решения большинства голосов акционеров, не имеют силы независимо от обжалования их в судебном порядке.

Кроме того, возражая против установления оспариваемым решением ликвидационной цены одной привилегированной акции в размере 75 руб., Л. представила в материалы дела заключение специалиста, согласно которому среднее значение одной акции указанного типа составляет 1000 руб.

Между тем суды не дали этому доводу надлежащей оценки и в рамках своих дискреционных полномочий не совершили необходимых процессуальных действий для установления размера справедливой ликвидационной стоимости, а лишь указали, что ликвидационная стоимость равнялась номинальной стоимости.

Однако номинальная стоимость привилегированной акции сама по себе не может служить оправданием для установления ее ликвидационной стоимости.

При определении справедливой ликвидационной стоимости ценной бумаги необходимо иметь в виду, что она не может быть произвольной и должна иметь экономическое обоснование.

Внимание! Акция марта!

Только с 1 по 31 марта 2020 года скидка на годовую подписку на журнал «Адвокатская практика» составит 30 % ! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться
по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный;
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Москва, 101000, Бобров пер., д. 6, стр. 3; тел. 8 (495) 623-54-86, 8 (495) 628-04-75,
факс: 8 (495)621-90-83; e-mail: mgnpinfo@mgnp.info; URL: www.mgnp.info

Нотариусам города Москвы

Уважаемые коллеги!

Направляю Вам для сведения и использования в работе копию письма Минфина России от 5 сентября 2019 г. № 03-05-05-03/68382, поступившую из Федеральной нотариальной палаты 30 января 2020 г. № 401/03-16-3 с разъяснениями в отношении возможности подачи нотариусами заявлений о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины.

Приложение: на 3 л.

Президент
Московской городской нотариальной палаты

К.А. Корсик

**Президентам нотариальных палат
субъектов Российской Федерации
Уважаемые коллеги!**

По поручению Президента Федеральной нотариальной палаты Корсика К.А. направляю для сведения и учета в работе копию письма Министерства финансов Российской Федерации от 5 сентября 2019 г. № 03-05-05-03/68382 с разъяснениями в отношении возможности подачи нотариусами заявлений о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины в орган, уполномоченный совершать юридически значимые действия, за которые уплачена (взыскана) государственная пошлина.

Управляющий делами Федеральной нотариальной палаты

Е.В. Крылова

Министерство финансов Российской Федерации (Минфин России)

**Президенту
Федеральной нотариальной палаты
К.А. Корсику**

Уважаемый Константин Анатольевич!

Департамент налоговой и таможенной политики рассмотрел Ваше письмо от 30 июля 2019 г. № 3720/06-06 по вопросу о возможности подачи нотариусом заявления о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины в орган, уполномоченный совершать юридически значимые действия, за которые уплачена (взыскана) государственная пошлина, и сообщает следующее.

Согласно статьям 55, 72, 73, 75 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы о нотариате) после удостоверения договора, на основании которого возникает право на недвижимое имущество (долю в праве собственности на недвижимое имущество), подлежащее государственной регистрации,

если стороны сделки не возражают против подачи такого заявления нотариусом, а также после выдачи свидетельства о праве на наследство, свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов нотариус обязан незамедлительно, но не позднее окончания рабочего дня или в сроки, установленные сторонами в договоре, предоставить в электронной форме заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав.

На основании статей 333.16 и 333.17 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс) плательщиками государственной пошлины признаются организации и физические лица, обращающиеся за совершением в отношении них юридически значимых действий, предусмотренных главой 25.3 Кодекса.

В соответствии с пунктами 1 и 8 статьи 45 Кодекса уплата сбора, в частности, государственной пошлины, за плательщика сбора может осуществляться иным лицом, в том числе представителем плательщика сбора.

Иное лицо не вправе требовать возврата из бюджетной системы российской уплаченного за плательщика сбора (государственной пошлины).

Согласно пункту 3 статьи 333.40 Кодекса заявление о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины подается плательщиком государственной пошлины в орган (должностному лицу), уполномоченный совершать юридически значимые действия, за которые уплачена (взыскана) государственная пошлина.

С учетом положения статьи 45 Кодекса в случае, если государственная пошлина уплачена иным лицом, в частности, в соответствии с Основами о нотариате нотариусом, то на основании пункта 3 статьи 333.40 Кодекса с заявлением о возврате излишне уплаченной государственной пошлины в орган регистрации прав должен обратиться плательщик государственной пошлины (т.е. лицо, в отношении которого должно быть совершено данное действие).

Вместе с тем, положениями подпунктов 1 и 3 статьи 26 Кодекса предусмотрено, что плательщик сбора может участвовать в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, через законного или уполномоченного представителя.

Полномочия представителя должны быть документально подтверждены в соответствии с Кодексом и иными федеральными законами.

Согласно пункту 1 статьи 29 Кодекса уполномоченным представителем налогоплательщика (плательщика сбора) признается физическое или юридическое лицо, уполномоченное налогоплательщиком (плательщиком сбора) представлять его интересы в отношениях с налоговыми органами (таможенными органами), иными участниками отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах.

В соответствии с абзацем вторым пункта 3 статьи 29 Кодекса уполномоченный представитель налогоплательщика (плательщика сбора) – физического лица осуществляет свои полномочия на основании нотариально удостоверенной доверенности или доверенности, приравненной к нотариально удостоверенной в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Следовательно, государственная пошлина может быть уплачена представителем от имени представляемого.

При уплате государственной пошлины за совершение юридически значимых действий иным лицом за плательщика государственной пошлины, в том числе и представителем, в платежном документе на перечисление суммы государственной пошлины в бюджет должно быть указано, что представитель или иное лицо действует от имени ее плательщика.

Приказом Минфина России от 12 ноября 2013 г. № 107н утверждены Правила указания информации, идентифицирующей плательщика, получателя средств в распоряжениях о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации.

Поскольку государственная пошлина может быть уплачена через представителя, то и по смыслу пункта 3 статьи 333.40 Кодекса заявление о возврате излишне уплаченной государственной пошлины также может быть подано представляемым либо его представителем.

При этом в заявлении на возврат уплаченной суммы государственной пошлины должен быть указан банковский счет плательщика государственной пошлины (т.е. лица, в отношении которого должно быть совершено данное действие).

Таким образом, вопрос, касающийся возможности подачи нотариусом заявления о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины в орган, уполномоченный совершать юридически значимые действия, по мнению Департамента, урегулирован Кодексом.

Врио директора Департамента

В.А. Прокаев

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Москва, 101000, Бобров пер., д. 6, стр. 3; тел. 8 (495) 623-54-86, 8 (495) 628-04-75,
факс: 8 (495)621-90-83; e-mail: mgnpinfo@mgnp.info; URL: www.mgnp.info

Нотариусам города Москвы

Уважаемые коллеги!

Направляю Вам для сведения и использования в работе письмо Федеральной нотариальной палаты от 15.01.2020 № 111/03-16-3 с информацией о нотариальном удостоверении сделок между гражданами РФ и иностранных государств.

Приложение: на 2 л.

Президент
Московской городской нотариальной палаты

К.А. Корсик

Президентам нотариальных палат субъектов Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

Федеральная нотариальная палата, осуществляя свои функции в части координации деятельности и контроля за деятельностью нотариальных палат, а также в целях обеспечения защиты социальных и профессиональных прав нотариусов, занимающихся частной практикой, считает необходимым довести до вашего сведения следующую информацию.

Достаточно распространенной практикой являются случаи обращения граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств к нотариусам с просьбой совершить нотариальное удостоверение сделок, заключаемых между ними.

Согласно положениям Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Федеральный закон № 173-ФЗ) сделки, заключенные между гражданином

Российской Федерации – резидентом и гражданином иностранного государства – нерезидентом, использующими в качестве расчетов в том числе валюту Российской Федерации, являются валютной операцией.

В соответствии с пунктом 3 статьи 14 Федерального закона № 173-ФЗ расчеты при осуществлении валютных операций производятся физическими лицами – резидентами через банковские счета в уполномоченных банках, порядок открытия и ведения которых устанавливается Центральным банком Российской Федерации.

Следовательно, расчеты по сделкам, заключенным между гражданином Российской Федерации резидентом и гражданином иностранного государства нерезидентом, могут осуществляться только путем перечисления безналичных денежных средств через банковские счета. Проведение расчетов по таким сделкам путем передачи наличных денежных средств, в том числе с использованием банковских ячеек, Федеральным законом № 173-ФЗ не предусмотрено.

Более того, статья 25 Федерального закона № 173-ФЗ устанавливает ответственность резидентов и нерезидентов, нарушивших положения актов валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования, в соответствии со статьей 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях, которая предусматривает санкцию в виде наложения административного штрафа в размере от трех четвертых до одного размера суммы незаконной валютной операции.

Таким образом, включение в текст договора, заключаемого между указанными лицами, условия о совершении оплаты путем передачи наличных денежных средств будет противоречить положениям Федерального закона № 173-ФЗ и, в случае совершения такого платежа, повлечет за собой указанную выше ответственность.

Нотариусам следует учитывать вышеуказанные положения действующего законодательства Российской Федерации и проводить соответствующую разъяснительную работу.

Прошу довести данную информацию до нотариусов – членов нотариальных палат субъектов Российской Федерации.

Президент
Федеральной нотариальной палаты

К.А. Корсик

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Москва, 101000, Бобров пер., д. 6, стр. 3; тел. 8 (495) 623-54-86, 8 (495) 628-04-75,
факс: 8 (495)621-90-83; e-mail: mgnpinfo@mgnp.info; URL: www.mgnp.info

Нотариусам города Москвы

Уважаемые коллеги!

Направляю Вам для сведения и использования в работе письмо Федеральной нотариальной палаты от 27.01.2020 № 340/03-16-3 об опубликовании Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Приложение: на 3 л.

Президент Московской городской нотариальной палаты

К.А. Корсик

**Президентам нотариальных палат
субъектов Российской Федерации**

Уважаемые коллеги!

Довожу до вашего сведения, что 28 декабря 2019 г. официально опубликован Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон).

Закон предусматривает значительный объем изменений, внесенных в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) и направленных на оптимизацию нотариальной деятельности, повышение востребованности нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц в условиях развития цифрового общества, включая расширение возможности совершения нотариальных действий в электронном формате.

Большинство положений Закона вступают в силу по истечении одного года после дня его официального опубликования – 29 декабря 2020 г. (статья 6 Закона).

Обращаю ваше внимание на то, что со дня официального опубликования Закона вступают в силу следующие положения, касающиеся:

– права нотариуса отказать в совершении исполнительной надписи при наличии достаточных оснований полагать, что исполнительная надпись может быть использована в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма (статья 48 Основ). В этом случае отказ от совершения нотариального действия не является основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности нотариуса;

– права нотариуса при совершении исполнительной надписи о взыскании задолженности или об истребовании имущества по нотариально удостоверенному договору займа требовать предоставления документа, подтверждающего передачу (перечисление) заемщику денежных средств или передачу ему других вещей (статья 91.1 Основ);

– дополнения документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей, совершаемых нотариусом (статья 90 Основ) договорами поручительства, предусматривающими солидарную ответственность поручителя по кредитному договору, при наличии в договорах поручительства условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса, а также договорами об оказании услуг связи в случае неисполнения обязательств по оплате услуг

в сроки, установленные в договорах об оказании услуг связи, при наличии в указанных договорах условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса. Данное дополнение реализует пожелания бизнеса, заявленные в концепции программы «Цифровая экономика».

Положения Закона, касающиеся исполнительной надписи (статьи 48 и 91.1 Основ), позволят нотариусам, являющимся субъектами национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ОД/ФТ/ФРОМУ), эффективно исполнять возложенные на них обязанности, а также минимизировать риск обналичивания денежных средств в противоправных целях посредством исполнительной надписи нотариуса.

Безотлагательное вступление в силу указанных положений Закона обусловлено, в частности, увеличением фактов использования исполнительной надписи нотариуса для проведения сомнительных операций, действительными целями которых с высокой вероятностью могло являться обналичивание денежных средств в целях ПОД/ФТ/ФРОМУ, и отсутствием, в свою очередь, у нотариусов эффективных законодательно установленных инструментов и механизмов для выявления и предотвращения указанных ситуаций. В этой связи целесообразно обратить внимание нотариусов на необходимость приведения утвержденных Правил внутреннего контроля в соответствии с требованиями Закона.

Среди иных положений Закона, вступающих в силу с 29.12.2020, целесообразно отметить следующие.

Нотариус получит право (статья 15 Основ) получать бесплатно в форме электронного документа:

– от ФНС России в связи с ведением наследственного дела сведения о номерах банковских счетов, вкладах (депозитах), наименованиях и месте нахождения банков и иных кредитных организаций, в которых были открыты банковские счета, вклады (депозиты) наследодателя на момент его смерти;

– от Пенсионного фонда Российской Федерации по запросу через ЕИС в электронной форме сведения о страховом номере индивидуального лицевого счета физического лица, о размере пенсии, недополученной наследодателем на день его смерти, необходимые для совершения предусмотренных Основами нотариальных действий.

– В целях повышения эффективности исполнения нотариусами требований федерального законодательства, в частности в сфере противодействия ПОД/ФТ/ФРОМУ, Законом предусмотрено создание в единой информационной системе нотариата специального раздела сведений справочно-аналитического характера об отказе нотариусов в совершении нотариального действия.

В целях обеспечения проверки достоверности нотариального документа предусмотрено размещение на нотариальном документе, исполненном на бумажном носителе, машиночитаемой маркировки, содержащей информацию о данном документе (статья 45.1 Основ).

Законом регламентирован порядок исправления технической ошибки в нотариально оформленном документе (статья 45.1 Основ).

Также Законом предусматривается:

– возможность совершения нотариальных действий в электронной форме удаленно (статья 44.3 Основ);
– удостоверение сделок двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия (статья 53.1 Основ);

– ведение реестра нотариальных действий, совершенных удаленно, или сделок, удостоверенных двумя и более нотариусами;

– принятие нотариусом на хранение электронных документов (пакетов электронных документов) и выдача таких документов (статьи 97 и 98 Основ);

– новое нотариальное действие – удостоверение равнозначности электронного документа, изготовленного нотариусом в ином формате, электронному документу, представленному нотариусу (статья 103.9-1 Основ).

В связи с указанными изменениями Основ внесены корреспондирующие изменения в ряд федеральных законов, в том числе:

– дополнение пункта 1 статьи 7 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (статья 2 Закона) учитывает особенности упрощенной идентификации клиентов при совершении нотариального действия удаленно;

– изменения в Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» учитывают особенности оформления электронных документов, направляемых нотариусом в орган регистрации прав.

Уважаемые коллеги, прошу довести данную информацию до нотариусов – членов нотариальных палат субъектов Российской Федерации.

Президент
Федеральной нотариальной палаты

К.А. Корсик

Консультация эксперта

24 апреля 2019 г. было принято решение об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов участниками, которое удостоверено нотариусом. Срок внесения денежных средств – 2 месяца. В указанный в решении срок дополнительные вклады не были внесены участниками. Фактически вклады внесены в августе 2019 г.

Можно ли сейчас, несмотря на то что пропущены сроки, принять решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов и осуществить государственную регистрацию увеличения уставного капитала? Если нет, то возможно ли применение п. 4 ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» к внесенным ранее участниками вкладам?

По данному вопросу мы придерживаемся следующей позиции:

В приведенной ситуации увеличение уставного капитала признается несостоявшимся, в связи с чем не исключена вероятность отказа в государственной регистрации.

На наш взгляд, целесообразно принять новое решение об увеличении уставного капитала. При этом по единогласному решению общего собрания участников ООО в счет внесения участниками дополнительных вкладов могут быть зачтены их денежные требования к обществу по возврату указанных в вопросе сумм.

Обоснование позиции:

Уставный капитал ООО может быть увеличен, в частности, за счет дополнительных вкладов всех участников общества (п. 1 ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», далее – Закон об ООО).

Решение об увеличении уставного капитала ООО должно быть принято общим собранием участников квалифицированным большинством не менее двух третей от общего числа голосов (п. 1 ст. 19 Закона об ООО), если необходимость большего числа голосов не предусмотрена уставом.

Факт принятия решения общего собрания участников ООО об увеличении уставного капитала, а также состав участников общества, присутствовавших при принятии указанного решения, должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения (п. 3 ст. 17 Закона об ООО).

Дополнительные вклады могут быть внесены участниками ООО в течение двух месяцев со дня принятия общим собранием участников соответствующего решения, если уставом общества или решением общего собрания не установлен иной срок (абз. 2 п. 1 ст. 19 Закона об ООО).

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 19 Закона об ООО не позднее месяца со дня окончания срока внесения дополнительных вкладов общее собрание участников общества должно принять решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов участниками общества и о внесении в устав общества, утвержденный участниками общества, изменений, связанных с увеличением размера уставного капитала общества. В случае несоблюдения срока принятия решения об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов участниками общества увеличение уставного капитала общества признается несостоявшимся (п. 2.2 ст. 19 Закона об ООО).

Изменения, связанные с увеличением уставного капитала ООО, должны быть зарегистрированы в установленном законодательством порядке (п. 2.1 ст. 19 Закона об ООО).

Для государственной регистрации изменений, вносимых в устав ООО в связи с увеличением уставного капитала, в регистрирующий орган должны быть представлены документы, перечисленные в п. 1 ст. 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о госрегистрации). В частности, требуется представить:

- 1) заявление по форме № Р13001 (утвержденной приказом ФНС России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@);
- 2) решение общего собрания участников общества о внесении изменений в устав;
- 3) документ, подтверждающий факт принятия общим собранием участников ООО решения об увеличении уставного капитала (выданное нотариусом или лицом, замещающим временно отсутствующего нотариуса, свидетельство (надлежащим образом заверенная копия) об удостоверении факта принятия решения органом управления юридического лица и о составе участников (членов) этого органа, присутствовавших при принятии данного решения) (п. 3 ст. 17 Закона об ООО, ч. 1 ст. 103.10 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, смотрите также письмо ФНС России от 15 марта 2016 г. № ГД-3-14/1086@);
- 4) изменения в устав ООО или устав в новой редакции;
- 5) документ об уплате государственной пошлины в размере (за рядом исключений).

Перечень оснований для отказа в государственной регистрации предусмотрен п. 1 ст. 23 Закона о госрегистрации. Такое основание, как несоблюдение срока, в течение которого общим собранием участников ООО должно быть принято решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов, в этот перечень не включено. Однако, как нам представляется, это обстоятельство не исключает вероятность отказа в государственной регистрации при описанных обстоятельствах. По смыслу вышеприведенных норм Закона об ООО последствием пропуска срока, в течение которого общим собранием участников ООО должно быть принято решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов и о внесении в устав общества изменений, является прекращение процедуры увеличения уставного капитала и, следовательно, невозможность государственной регистрации соответствующих изменений. Решение общего собрания участников об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов, принятое по истечении месяца со дня окончания срока внесения дополнительных вкладов, на наш взгляд, не порождает юридических последствий, в связи с чем может рассматриваться регистрирующим органом как непредставленное. Это является основанием для отказа в госу-

дарственной регистрации (подп. «а» п. 1 ст. 23 Закона о госрегистрации). Правоприменительной практики, где бы рассматривалась аналогичная ситуация, мы не обнаружили. Косвенно наша позиция подтверждается в постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2016 г. № 19АП-1117/16, постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2008 г. № 11АП-7148/2008.

Следовательно, при описанных обстоятельствах весьма вероятен отказ в государственной регистрации, в связи с чем процедуру увеличения уставного капитала целесообразно провести заново, начиная с принятия общим собранием участников решения об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов участниками общества.

Если увеличение уставного капитала общества не состоялось, общество обязано вернуть имущество участникам, внесшим вклады, в разумный срок, а в случае невозврата вкладов в указанный срок также уплатить проценты в порядке и в сроки, предусмотренные ст. 395 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) (п. 3 ст. 19 Закона об ООО). Поскольку требование о возврате внесенных вкладов является денежным, по единогласному решению общего собрания участников общества в счет внесения участниками дополнительных вкладов могут быть на основании п. 4 ст. 19 Закона об ООО зачтены денежные требования к обществу. Такое решение может быть принято одновременно с решением об увеличении уставного капитала общества.

По смыслу ст. 410 ГК РФ, п. 4 ст. 19 Закона об ООО, для зачета требования участника к обществу в счет внесения дополнительного вклада участник должен направить обществу заявление о зачете. Иными словами, решение общего собрания участников, принятое в соответствии с п. 4 ст. 19 Закона об ООО, является только основанием для осуществления зачета, а сами сделки по зачету формально состоятся при условии, что участники направят обществу заявления о зачете их требований. Полагаем, что после принятия указанных выше решений участники общества могут заявить о зачете имеющихся у них денежных требований к ООО в счет внесения ими дополнительных вкладов в уставный капитал ООО, направив в общество соответствующие заявления (ст. 410 ГК РФ). Такие заявления с отметкой общества о получении, как нам представляется, впоследствии могут быть представлены для государственной регистрации в качестве подтверждения внесения в полном объеме дополнительного вклада (п. 2.1 ст. 19 Закона об ООО).

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Александров Алексей*

1. Доверенность выдается руководителем своему заместителю на право представительства в арбитражных судах с правом передоверия. Требуется ли в данном случае нотариальное удостоверение доверенности руководителя организации и последующее нотариальное удостоверение доверенностей, выданных заместителем руководителя организации третьим лицам в порядке передоверия («производная» доверенность)? Возможно ли в данном случае обойтись без нотариального удостоверения как доверенности руководителя организации, так и доверенностей, выданных заместителем руководителя организации третьим лицам в порядке передоверия (принимаются ли такие доверенности судами)? Возможно ли в данном случае, нотариально удостоверив доверенность руководителя организации, выданную заместителю руководителя, обойтись без последующего нотариального удостоверения доверенностей, выданных заместителем руководителя организации третьим лицам в порядке передоверия?

2. Доверенность выдается руководителем организации своему заместителю с конкретным полномочием на выдачу доверенностей третьим лицам для представления интересов организации (в том числе в судах общей юрисдикции, арбитражных судах). Требуется ли в данном случае нотариальное удостоверение доверенности руководителя организации и последующее но-

тариальное удостоверение доверенностей, выданных заместителем руководителя организации в рамках конкретного полномочия по выдаче доверенностей третьим лицам? Возможно ли в данном случае обойтись без нотариального удостоверения как доверенности руководителя организации, так и доверенностей, выданных заместителем руководителя организации в рамках конкретного полномочия по выдаче доверенностей третьим лицам (принимаются ли такие доверенности судами)? Возможно ли в данном случае, нотариально удостоверив доверенность руководителя организации, выданную заместителю руководителя, обойтись без последующего нотариального удостоверения доверенностей, выданных заместителем руководителя организации третьим лицам в рамках конкретного полномочия по выдаче доверенностей третьим лицам?

По данному вопросу мы придерживаемся следующей позиции:

Из всех перечисленных ситуаций нотариальному удостоверению подлежит только доверенность, выданная в порядке передоверия.

Нотариальное удостоверение основной доверенности не является обязательным. Оно не освобождает от необходимости соблюдения нотариальной формы доверенности, выданной в порядке передоверия.

Ни нотариальное удостоверение основной доверенности, ни нотариальное удостоверение доверенности, выданной лицом, полномочие которого основано также на доверенности, не влияют на квалификацию судом процессуальных полномочий представителя по «производной» доверенности.

Обоснование позиции:

1. В силу ст. 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). Однако доверенность как сделка не существует вне письменного документа, ибо доверенностью является только письменное уполномочие (п. 1 ст. 185 ГК РФ). Уполномочие, совершенное в устной форме, доверенностью признаваться не может. Поэтому доверенность может быть совершена либо в нотариальной форме, либо, если законом не установлено требование о нотариальном удостоверении доверенности, в простой письменной форме.

Арбитражное процессуальное законодательство не предъявляет к доверенности, выдаваемой юридическим лицом для представительства в арбитражном суде, требования о нотариальной форме. Согласно ч. 5 ст. 61 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) такая доверенность должна быть подписана ее руководителем или иным уполномоченным на это ее учредительными документами лицом и скреплена печатью организации (при наличии печати).

Не требует закон соблюдения нотариальной формы и для доверенностей, предусматривающих право передоверия. Поэтому ни в одной из описанных в вопросе ситуаций доверенность, выдаваемая руководителем, не требует нотариального удостоверения. Нотариально удостоверена в этом случае должна быть именно доверенность, выдаваемая в порядке передоверия (абз. 1 п. 3 ст. 187 ГК РФ, смотрите также ч. 2 ст. 62 АПК РФ), за исключением доверенности, выданной юридическим лицом, руководителем филиала или представительства организации (абз. 2 п. 3 ст. ст. 187 ГК РФ, смотрите постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 марта 2019 г. N Ф08-1406/19 по делу № А63-17900/2018, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 сентября 2018 г. № Ф02-4107/18 по делу № А19-18227/2017).

Доверенность, выданная в порядке передоверия, но не удостоверенная нотариусом, не удостоверяет полномочия представителя в арбитражном процессе (смотрите, например, определение Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2014 г. № Ф05-537/14 по делу № А40-113849/2013, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 мая 2017 г. № 11АП-5724/17), независимо от того, удостоверена ли нотариально основная доверенность, в которой предусмотрено право передоверия (поскольку из закона не следует, что использование нотариальной формы для основной доверенности освобож-

дает от необходимости соблюдения нотариальной формы доверенности, выдаваемой в порядке передоверия).

Здесь же отметим, что ч. 4 ст. 61 АПК РФ указывает на то, что полномочия представителя могут быть выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании, на что указывается в протоколе судебного заседания. В связи с этим в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.) разъяснено, что, поскольку передоверие полномочий на представление интересов в суде осуществляется по правилам, установленным процессуальным законодательством, которое является специальным, полномочия нового представителя могут быть определены в устном или письменном заявлении первоначального представителя в суде. В этом случае суд не вправе отказать в удовлетворении заявления о допуске нового представителя со ссылкой на необходимость предоставления доверенности, оформленной по правилам ст. 187 ГК РФ (смотрите вопрос 11 разъяснений по вопросам, возникающим в судебной практике).

2. Из законодательства не следует, что руководитель юридического лица вправе выдавать доверенности лишь на выполнение разовых поручений и лишен возможности путем выдачи соответствующей доверенности уполномочить работника либо иное лицо на совершение от имени организации определенной категории действий, таких как выдача доверенностей.

Следовательно, полномочие физического лица, не являющегося руководителем организации, выдавать доверенности от имени этой организации может быть основано на доверенности, выданной уполномоченным на это лицом (единоличным исполнительным органом юридического лица).

Правоприменительной практики, где бы прямо рассматривался подобный вопрос, мы не обнаружили, однако в качестве косвенного подтверждения нашей позиции можно привести, например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 апреля 2019 г. № С01-283/2019 по делу № А60-19828/2018, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2019 г. № 03АП-241/19, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2019 г. № Ф02-3185/19, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2017 г. № 09АП-37601/17, постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 апреля 2012 г. № Ф06-1922/12 по делу № А65-26076/2010.

Требования об удостоверении таких доверенностей нотариусом закон не устанавливает.

Представитель вправе передоверить другому лицу совершение действий, на которые он уполномочен доверенностью, в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 187 ГК РФ. Как уже отмечено, в силу п. 3 этой же статьи доверенность, выдаваемая в порядке передоверия, должна быть нотариально удостоверена, за исключением случаев, предусмотренных указанным пунктом. Из существа передоверия (под которым понимается дальнейшее перепоручение предусмотренных доверенностью полномочий), как мы полагаем, следует, что не может быть квалифицировано в качестве передоверия совершение лицом, уполномоченным доверенностью на выдачу доверенностей от имени организации, юридических действий, являющихся предметом такой доверенности. Осуществляя такие полномочия (выдавая доверенности), представитель тем самым не передоверяет другим лицам полномочия, предоставленные ему доверенностью (такое передоверие могло бы выражаться в наделении полномочием на выдачу доверенностей), а самостоятельно реализует их. Следовательно, к таким «производным» доверенностям неприменимо правило о нотариальной форме, предусмотренное п. 3 ст. 187 ГК РФ для доверенностей, выдаваемых в порядке передоверия. Иными нормами также не установлено, что подобные доверенности подлежат нотариальному удостоверению.

Таким образом, полномочия представителя принципиально могут подтверждаться доверенностью, выданной лицом, соответствующее полномочие которого основано также на доверенности, а не на учредительном документе. Однако арбитражное процессуальное законодательство, определяя способы, которыми могут подтверждаться полномочия представителя организации, не допускает возможности их подтверждения доверенностью,

выданной не в порядке передоверия и при этом подписанной лицом, не уполномоченным на это учредительными документами организации (ч. 5 ст. 61, ч. 2 ст. 62 АПК РФ). Поэтому мы не исключаем, что при таком способе оформления арбитражный суд может отказать в удовлетворении заявления о допуске представителя, полномочия которого основаны на «производной» доверенности. Правоприменительной практики, где бы рассматривался этот вопрос, мы не обнаружили.

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Александров Алексей*

Директор филиала ООО выдал доверенность на имя начальника отдела на право подписания доверенностей на получение ТМЦ. Начальник отдела в свою очередь выдал доверенность по форме М-2 отдельным сотрудникам на получение ТМЦ.

Есть ли необходимость в нотариальном удостоверении последней доверенности? Можно ли уполномочить рядового сотрудника подписывать за руководителя доверенности на получение ТМЦ?

По данному вопросу мы придерживаемся следующей позиции:

Закон не запрещает единоличному исполнительному органу юридического лица наделять работников полномочиями на выдачу от имени юридического лица доверенностей (в том числе на получение ТМЦ).

Доверенности, выдаваемые на основании полномочия, основанного на доверенности, не требуют нотариального удостоверения.

Обоснование позиции:

В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются законом и учредительным документом. Учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга. Сведения об этом подлежат включению в единый государственный реестр юридических лиц. Юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников в случаях, предусмотренных ГК РФ (п. 2 той же статьи).

Согласно п. 3 ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) единоличный исполнительный орган общества с ограниченной ответственностью (общество, ООО) осуществляет полномочия, не отнесенные этим федеральным законом или уставом общества к компетенции общего собрания участников, совета директоров (наблюдательного совета) и коллегиального исполнительного органа ООО, в частности, без доверенности действует от имени общества, в том числе представляет его интересы и совершает сделки. Единоличный исполнительный орган выдает доверенности на право представительства от имени общества.

Единственным основанием возникновения полномочий единоличного исполнительного органа ООО является решение соответствующего органа общества (общего собрания либо совета директоров). Закон относит к компетенции таких органов общества вопросы образования единоличного исполнительного органа (избрание генерального директора) и досрочного прекращения его полномочий (п. 2 ст. 33 Закона об ООО). Предполагается, что всеми полномочиями, указанными в ст. 40 Закона об ООО, в любом случае может обладать только единоличный исполнительный орган, назначаемый в порядке, предусмотренном Законом об ООО.

Вместе с тем из законодательства не следует, что директор ООО вправе выдавать доверенности лишь на выполнение разовых поручений и лишен возможности путем выдачи соответствующей доверенности уполномочить работника ООО либо иное лицо на совершение от имени ООО определенной категории действий, таких как, например, заключение любых договоров или выдача доверенностей (в том числе на получение товара). Разумеется, такого рода действия руководителя общества могут оцениваться на предмет разумности и добросовестности (смотрите, например, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2019 г. № 11АП-20372/18, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 6 июня 2019 г. № Ф06-46495/19). Однако мы не видим правовых оснований для вывода об отсутствии у руководителя ООО права уполномочивать работников общества на выдачу от имени ООО доверенностей, в том числе на получение товара (смотрите в связи с этим, например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2019 г. № 01АП-2587/19).

Другими словами, мы полагаем, что, как и полномочие не являющегося руководителем ООО лица на совершение сделки (сделок), полномочие на выдачу таким лицом доверенностей от имени общества может быть основано на доверенности, выданной единоличным исполнительным органом ООО. Правоприменительной практики, где бы прямо рассматривался подобный вопрос, мы не обнаружили, однако в качестве косвенного подтверждения нашей позиции можно привести, например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 апреля 2019 г. № С01-283/2019 по делу № А60-19828/2018, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2019 г. № 03АП-241/19, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2019 г. № Ф02-3185/19, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2019 г. № 03АП-98/19, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2019 г. № Ф02-3189/19, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2017 г. № 09АП-37601/17, постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 апреля 2012 г. № Ф06-1922/12 по делу № А65-26076/2010.

Представитель вправе передоверить другому лицу совершение действий, на которые он уполномочен доверенностью, в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 187 ГК РФ. В силу п. 3 этой же статьи доверенность, выдаваемая в порядке передоверия, должна быть нотариально удостоверена, за исключением случаев, предусмотренных указанным пунктом. Из определения передоверия (под которым понимается дальнейшее перепоручение предусмотренных доверенностью полномочий), как мы полагаем, следует, что не может быть квалифицировано в качестве передоверия совершение лицом, уполномоченным доверенностью на выдачу доверенностей от имени ООО, юридических действий, являющихся предметом такой доверенности. Осуществляя такие полномочия (выдавая доверенности), представитель тем самым не передоверяет другим лицам полномочия, предоставленные ему доверенностью (такое передоверие могло бы выражаться в наделении полномочием на выдачу доверенностей), а самостоятельно реализует их. Правоприменительной практики, где бы рассматривался этот вопрос, мы не обнаружили.

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Александров Алексей*

Сотрудник предоставил нотариальное соглашение об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей (2013 и 2015 годов рождения). В соглашении указано: «удерживать в размере 4/5 доли от заработка или иных доходов до совершеннолетия детей». Согласно закону об алиментах возможно удерживать не более 50% от заработка или иного дохода. Остаток от

4/5 доли необходимо откладывать в долг? Какой процент/долю необходимо удерживать после совершеннолетия первого (старшего) ребенка? Выплату накопленного долга следует производить после совершеннолетия всех детей?

В соответствии со ст. 137 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) удержания из заработной платы работника производятся только в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами. Согласно ст. 109 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), а также ст. 98 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 229-ФЗ) работодатель со дня получения исполнительного документа должен ежемесячно удерживать алименты из заработной платы и (или) иного дохода лица, обязанного их выплачивать, в соответствии с требованиями, содержащимися в исполнительном документе.

Нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК РФ). Таким образом, работодатель обязан удерживать алименты в соответствии с требованиями, содержащимися в этом соглашении. Однако общий размер всех удержаний при каждой выдаче заработной платы ограничивается 70% заработной платы, причитающейся работнику (ч. 3 ст. 138 ТК РФ, ч. 3 ст. 99 Закона № 229-ФЗ).

Соответственно, в рассматриваемой ситуации 10% из указанных в соглашении 4/5 доли от заработка удержаны быть не могут. Работодатель учитывает их в качестве задолженности по алиментам. Однако начать их удержание он сможет не ранее, чем текущие удержания алиментов составят менее 70%, – только с этого момента работодатель обязан производить удержания в счет задолженности по алиментам вместе с текущим удержанием алиментов до достижения совокупного размера удержаний в 70%.

Отметим, что при добросовестном выполнении своих алиментных обязанностей работник сам в добровольном порядке выплачивает эти 10% в пользу детей в текущем периоде.

Относительно размера алиментов, которые по соглашению работник должен выплачивать в период после совершеннолетия первого ребенка до совершеннолетия второго, можем пояснить следующее.

Согласно ст. 103 СК РФ размер алиментов, уплачиваемых по соглашению об уплате алиментов, определяется сторонами в этом соглашении. При этом законодатель ограничил волю сторон соглашения только нижним пределом размера алиментов на несовершеннолетних детей: алименты не могут быть ниже размера алиментов, которые дети могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке (ст. 81 СК РФ). В установлении конкретного размера алиментов (выше нижнего предела) стороны не ограничены.

Поскольку семейное законодательство не предусматривает специальных правил толкования соглашений, применимы общегражданские правила (ст. 431 ГК РФ): при толковании условий договора принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, которое может устанавливаться в том числе путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. При невозможности в таком порядке истолковать условие договора действительная общая воля сторон должна быть выяснена с учетом цели договора и всех сопутствующих обстоятельств.

Буквальное толкование приведенного условия соглашения «удерживать в размере 4/5 доли от заработка или иных доходов до совершеннолетия детей» свидетельствует в пользу удержаний 80% заработка вплоть до совершеннолетия обоих детей, т.е. до совершеннолетия младшего ребенка. Не исключено, что в этом состояла действительная общая воля сторон при заключении соглашения. Тем не менее определенные сомнения такое толкование все же вызывает. К примеру, при рассмотрении схожих обстоятельств Ленинградский районный суд г. Калининграда Калининградской области пришел к выводу о том, что после достижения старшим ребенком совершеннолетия размер алиментов подлежит уменьшению наполовину, что следует из толкования смысла самого соглашения (решение от 22 июня 2018 г. по делу № 2-2974/2018 оставлено в силе апелляционным определением СК по гражданским делам Калининградского областного суда от 25 сентября 2018 г. по делу № 33-4462/2018). Каких-либо иных судебных актов по рассматриваемой проблематике нам обнаружить не удалось.

На наш взгляд, работодатель при исполнении исполнительного документа не должен заниматься толкованием сомнительных условий этого документа; его функция состоит в простом исполнении требований. Однако, к сожалению, в отличие от случаев исполнения исполнительного документа, выданного на основании судебного акта, при исполнении нотариального соглашения об уплате алиментов работодателю законом не предоставлена возможность получить где-нибудь официальное разъяснение порядка исполнения. Поэтому мы полагаем, что наименее рискованным для работодателя будет по достижении совершеннолетия старшего ребенка продолжать исполнять соглашение в соответствии с его буквальным толкованием, т.е. продолжать удерживать 70% заработка в счет текущих алиментов и учитывать 10% в счет задолженности по алиментам вплоть до совершеннолетия младшего ребенка. Стороны соглашения при этом не лишены возможности изменить его по взаимному согласию или решению суда.

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Прибыткова Мария*

В организации по уставу без доверенности на получение товара может действовать только генеральный директор. Он подписал доверенность на выполнение всех действий, в том числе и выдачу доверенностей, на заместителя директора и ушел в отпуск.

У заместителя директора возникла необходимость срочно уйти в отпуск.

Будет ли действительна доверенность, оформленная на менеджера, подписанная заместителем директора, с печатью организации, или эту доверенность надо заверять нотариально? Имеет ли силу доверенность, выписанная доверенным лицом? Должен ли главный бухгалтер, уходя в отпуск, выписывать доверенность на другое лицо на совершение определенных действий за главного?

По данному вопросу мы придерживаемся следующей позиции:

Заместитель генерального директора вправе выдавать доверенности, если он уполномочен на это доверенностью, выданной генеральным директором. В этом случае выдаваемые заместителем доверенности не являются передоверием. Сами по себе описанные в вопросе обстоятельства не означают, что такие доверенности подлежат нотариальному удостоверению.

Обоснование позиции:

Из законодательства не следует, что директор ООО вправе выдавать доверенности лишь на выполнение разовых поручений и лишен возможности путем выдачи соответствующей доверенности уполномочить работника ООО либо иное лицо на совершение от имени ООО определенной категории действий, таких как, например, заключение любых договоров или выдача доверенностей (в том числе на получение товара). Разумеется, такого рода действия руководителя общества могут оцениваться на предмет разумности и добросовестности (смотрите, например, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2019 г. № 11АП-20372/18, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 6 июня 2019 г. № Ф06-46495/19). Однако мы не видим правовых оснований для вывода об отсутствии у руководителя ООО права уполномочивать работников общества на выдачу от имени ООО доверенностей, в том числе на получение товара (смотрите в связи с этим, например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2019 г. № 01АП-2587/19).

Другими словами, мы полагаем, что, как и полномочие не являющегося руководителем ООО лица на совершение сделки (сделок), полномочие на выдачу таким лицом доверенностей от имени общества может быть основано

на доверенности, выданной единоличным исполнительным органом ООО. Правоприменительной практики, где бы прямо рассматривался подобный вопрос, мы не обнаружили, однако в качестве косвенного подтверждения нашей позиции можно привести, например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 апреля 2019 г. № С01-283/2019 по делу № А60-19828/2018, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2019 г. № 03АП-241/19, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2019 г. № Ф02-3185/19, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2019 г. № 03АП-98/19, оставленное без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2019 г. № Ф02-3189/19, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2017 г. № 09АП-37601/17, постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 апреля 2012 г. № Ф06-1922/12 по делу № А65-26076/2010.

Представитель вправе передоверить другому лицу совершение действий, на которые он уполномочен доверенностью, в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 187 ГК РФ. В силу п. 3 этой же статьи доверенность, выдаваемая в порядке передоверия, должна быть нотариально удостоверена, за исключением случаев, предусмотренных указанным пунктом. Из определения передоверия (под которым понимается дальнейшее перепоручение предусмотренных доверенностью полномочий), как мы полагаем, следует, что не может быть квалифицировано в качестве передоверия совершение лицом, уполномоченным доверенностью на выдачу доверенностей от имени ООО, юридических действий, являющихся предметом такой доверенности. Осуществляя такие полномочия (выдавая доверенности), представитель тем самым не передоверяет другим лицам полномочия, предоставленные ему доверенностью (такое передоверие могло бы выражаться в наделении полномочием на выдачу доверенностей), а самостоятельно реализует их. Правоприменительной практики, где бы рассматривался этот вопрос, мы не обнаружили.

Здесь же отметим, что в силу п. 1 ст. 312 ГК РФ, если иное не предусмотрено соглашением сторон и не вытекает из обычаев или существа обязательства, должник вправе при исполнении обязательства потребовать доказательств того, что исполнение принимается самим кредитором или уполномоченным им на это лицом, и несет риск последствий непредъявления такого требования. Это касается и исполнения обязательств по передаче товара покупателю продавцом. Последний, отгружая товар представителю покупателя, вправе требовать от такого представителя подтверждения полномочий на получение товара. Формально таким подтверждением может быть и доверенность, оформленная указанным в вопросе способом. Однако в силу п. 2 ст. 312 ГК РФ, если представитель кредитора действует на основании полномочий, содержащихся в документе, который совершен в простой письменной форме, должник вправе не исполнять обязательство данному представителю до получения подтверждения его полномочий от представляемого, в частности до предъявления представителем доверенности, удостоверенной нотариально, за исключением случаев, указанных в законе, либо случаев, когда письменное уполномочие было представлено кредитором непосредственно должнику (п. 3 ст. 185) или когда полномочия представителя кредитора содержатся в договоре между кредитором и должником (п. 4 ст. 185). Изложенное, впрочем, формально относится и к доверенностям, выданным от имени организации непосредственно ее руководителем.

Что касается выдачи доверенности главным бухгалтером, то он не является лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени организации (в том числе выдавать от ее имени доверенности). Если соответствующее право не предоставлено главному бухгалтеру учредительным документом организации или доверенностью, выданной уполномоченным лицом, он не вправе выдавать доверенности от имени организации. Вопросы, связанные с перераспределением обязанностей главного бухгалтера на время его отсутствия между работниками организации, должны решаться руководителем, который в этих целях вправе в том числе издавать приказы и выдавать доверенности.

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Александров Алексей*

Сотрудница организации уже имеет исполнительный лист службы судебных приставов на удержание из заработной платы в размере 25% (долг банку по решению суда).

В настоящее время сотрудница представила работодателю нотариально заверенное соглашение (добровольное) на уплату денежных средств (алиментов) в размере 70% на содержание своей внучки.

На иждивении сотрудницы находятся еще двое своих несовершеннолетних детей. С мужем сотрудница разведена, алименты на детей муж не выплачивает. В связи с этим исполнительный лист службы судебных приставов на удержание из заработной платы сначала был в размере 50%, затем по заявлению сотрудницы судебные приставы установили удержание в размере 25%.

Возможно, соглашение на алименты внучке заключено с целью избежать выплат банку.

Имеет ли организация право отказать сотруднице в принятии к исполнению добровольного нотариально заверенного соглашения или нужно производить удержание в размере 95% (70% — по соглашению и 25% по исполнительному листу), в связи с тем, что ограничение удержания в размере 50% из заработной платы касается только принудительного исполнения, а на добровольные перечисления по нотариальному соглашению оно не распространяется?

Организация считает, что если целью сотрудницы было избежать выплат, то получателю алиментов необходимо было обратиться к приставам с заявлением о принудительном исполнении соглашения по алиментам и тогда бы учитывался размер максимального удержания 70% и очередность при удержании.

Рассмотрев вопрос, мы пришли к следующему выводу:

Бухгалтерия организации не может удерживать алименты на содержание несовершеннолетней внучки из заработной платы ее бабушки на основании соглашения, заключенного между бабушкой и матерью ребенка и удостоверенного у нотариуса. Для подобного удержания необходимо вступившее в законную силу решение суда.

Обоснование вывода:

По общему правилу родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно, в том числе родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) и удостоверить его нотариально (п. 1 ст. 100 СК РФ).

Обязанности по содержанию несовершеннолетних детей также могут быть возложены на других членов семьи, к числу которых относятся дедушки и бабушки. Однако получение алиментов в этом случае возможно при соблюдении ряда условий. Так, должен быть установлен как факт нуждаемости внука, претендующего на алименты, в помощи, так и то, что получение ребенком содержания от своих родителей невозможно. При этом алименты назначаются только в судебном порядке (ст. 94 СК РФ).

Таким образом, закон не устанавливает возможности заключения нотариального соглашения между родителями ребенка и его бабушкой и дедушкой о добровольной выплате алиментов последними на содержание несовершеннолетнего внука, поэтому, на наш взгляд, документ, представленный сотрудницей (нотариально удостоверенное соглашение), является ничтожным и не порождает для бухгалтерии организации никаких правовых последствий. Производить удержания из заработной платы на основании этого соглашения нельзя.

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Рижская Мария*

Если договор дарения или купли-продажи земельного участка между физическими лицами заключается нотариально, имеет ли право покупатель или одаряемый, отказавшийся от услуг нотариуса, самостоятельно подать договор на регистрацию в Росреестр или осуществлять регистрацию прав собственности законодательством вменено в обязанность нотариусу?

Рассмотрев вопрос, мы пришли к следующему выводу:

При отчуждении недвижимости на основании договора регистрация перехода права собственности может осуществляться по заявлению любой из сторон нотариально удостоверенной сделки.

Обоснование вывода:

Переход права собственности на недвижимое имущество подлежит государственной регистрации в Росреестре (ст. 131 ГК РФ; ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

При этом с 1 февраля 2019 г. нотариусам вменено в обязанность при удостоверении договоров, на основании которых возникают права на недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации, незамедлительно, но не позднее окончания рабочего дня или в сроки, установленные сторонами в договоре, представлять заявление о государственной регистрации прав (в электронной форме) и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав (ч. 2 ст. 55 Основ законодательства РФ о нотариате, ч. 3 ст. 3 Закона от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ).

Эта же норма предусматривает и единственное исключение из указанного правила: нотариус освобождается от подачи указанного заявления, если стороны сделки возражают против подачи такого заявления нотариусом. Соответственно, в рассматриваемой ситуации участникам сделки следует представить нотариусу, осуществлявшему удостоверение договора, письменные заявления с возражениями относительно подачи документов в Росреестр нотариусом и самостоятельно направить документы в орган регистрации прав.

Напомним, что в соответствии с п. 3 и 5 ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» регистрация перехода права собственности при отчуждении недвижимости на основании договора осуществляется по заявлению сторон договора, а если сделка удостоверена в нотариальном порядке – по заявлению любой стороны нотариально удостоверенной сделки.

Ответ подготовил:

Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ

Золотых Максим

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала просим вас обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Проверка дееспособности при нотариальном удостоверении сделки в судебной практике

Поляков Михаил Иванович,

доцент Ступинского филиала

Московского финансово-юридического университета (МФЮА),

советник Российской академии естественных наук (РАЕН),

кандидат юридических наук, доцент

ptichle62@rambler.ru

Любимова Анастасия Владимировна,

магистр юриспруденции Ступинского филиала

Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

wind222@yandex.ru

В статье рассматривается несоответствие декларируемых функций нотариуса с фактически производимыми им действиями в части проверки дееспособности граждан при удостоверении сделок согласно статье 43 «Проверка дееспособности граждан, правоспособности юридических лиц, а также полномочий на совершение нотариального действия» Основ законодательства Российской Федерации о нотариате*. Исследовано практическое удостоверение нотариусами дееспособности граждан с предложением изменения терминологии и регламентирования указанных нотариальных действий. В своей работе, проанализировав судебную практику, авторы приходят к выводу о назревшей необходимости изменения действующей процедуры удостоверения дееспособности в рамках создания информационного реестра, направленного на реализацию и защиту прав человека при совершении нотариальных действий.

Ключевые слова: нотариус, сделка, дееспособность, доверенность, суд.

Проблематика. Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»¹ (ст. 24, 30) установлена обязательная нотариальная форма для определенных видов сделок по отчуждению объектов недвижимости физических лиц, включая граждан, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными. С 31 июля 2019 г. перечень подлежащих обязательному но-

тариальному удостоверению сделок сузился путем внесения изменений в Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Таким образом, сделки с отчуждением долей, при которых между участниками долевой собственности нет разногласий в части отчуждения, могут быть совершены в простой письменной форме, без участия нотариуса, как и иные сделки без долевой собственности.

Между тем, согласно опросу, проведенному АНО «Левада-Центр» в январе 2019 г., почти 90% граждан Российской Федерации считают нотариальную форму сделки безопасным вариантом с точки зре-

¹ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/ (дата обращения: 11.02.2019).

* Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1.

ния защиты прав при сделках с недвижимостью. Но так ли это на самом деле?

Практикующие юристы нередко сталкиваются с судебными спорами по договорам, прошедшим нотариальное удостоверение.

При этом само по себе нотариальное удостоверение подразумевает законность сделки. В связи с чем нотариальным регламентом² устанавливается перечень необходимых нотариальных действий, в частности проверка дееспособности. В соответствии со ст. 43 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³, «...при удостоверении сделок осуществляется проверка дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, обратившихся за совершением нотариального действия...», т.е. осуществляется проверка, но в то же время это не позволяет нотариусам осуществлять действия по проверке. Законодатель не акцентирует внимание на том, является ли это компетенцией нотариуса. В данном контексте нотариус в исполнении указанной законодательной нормы может выявить только юридическую дееспособность физического лица без учета медицинских факторов.

Павел Крашенинников, автор законопроекта, реформирующего деятельность нотариата, в 2015 г. предлагал усилить гарантии нотариальных действий: «Если сделка, доверенность или факт были удостоверены нотариально, оспаривание таких актов невозможно»⁴. Данная инициатива, возможно, отвечала бы правовым институтам, но только в том случае, если бы нотариальные действия, указанные в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате, соответствовали фактической компетенции на совершение подобных действий нотариусом. В настоящее время законодательство не устанавливает наличие обязательного медицинского

образования, позволяющего нотариусу определить дееспособность граждан, а значит, само по себе действие по удостоверению дееспособности нотариатом находится за рамками правового поля.

Нотариусы осуществляют правовую деятельность по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц в юридическом поле, но, несмотря на тесную связь психологии и права в обычной нотариальной деятельности, нельзя игнорировать тот факт, что реализация права гражданами ставится в зависимость от правоприменителя, основывающегося на межличностных отношениях в большей степени, чем на объективных психологических, психиатрических аспектах. Вместе с тем нотариус не вправе требовать от заявителя представления информации, которую он не может получить самостоятельно в электронной форме, в том числе из государственных реестров. Так, нотариусам на сегодняшний день вменяется обязательное получение сведений о дееспособности граждан из Росреестра, база которого формируется на вынесенных судебных решениях по лишению дееспособности. Можно ли считать подобный запрос достаточным основанием для нотариального удостоверения дееспособности и считать преимущественной защитой перед простой письменной формой в сделках по отчуждению недвижимости, так как определение дееспособности является одним из важнейших нотариальных действий? Очевидно, что нет. Лишить гражданина дееспособности можно исключительно в судебном порядке, а значит, должны быть заявители и заинтересованные лица. А что если их нет? Например, бабушка привела внука на сделку купли-продажи. Внук – собственник, ему 23 года, имущество досталось по наследству от умершей матери. Бабушка опекает внука на добровольных началах. Нотариус осуществляет проверку дееспособности, направляя запрос в Росреестр, получает ответ «дееспособности не лишен». При этом внук не отличает зиму от лета. Формально, согласно действующему законодательству, сделку нотариусу совершать можно. По прошествии какого-то времени, например после смерти бабушки, в районный суд поступает заявление от тети внука с требованием признать сделку недействительной ввиду того, что внук страдает тя-

² Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования // Бюллетень нотариального вестника. 2017. Сентябрь.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1.

⁴ Официальный сайт «ПравоRU». URL: www.pravo.ru/news/view/118874/ (дата обращения: 23.11.2019).

желым психическим расстройством и не мог осознавать сути своих действий. Возникает главный вопрос, какую дееспособность удостоверяет нотариус? Корректно было бы обозначить в качестве нотариального действия в данном случае – получение сведений об отсутствии ограничений в дееспособности, но не установление и удостоверение факта самой дееспособности.

Сделки, затрагивающие вопросы дееспособности участников, довольно успешно оспариваются, создавая дополнительную нагрузку на суды и оказывая негативное влияние на репутацию самого института нотариата. Согласно Основам законодательства РФ о нотариате⁵, нотариус обязан отказать в совершении нотариального действия, если с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин. Следовательно, от обратного: без судебного решения о признании недееспособным обратившегося лица и даже при наличии субъективных сомнений нотариус не вправе отказать в совершении сделки, удостоверяя, таким образом, и его дееспособность, и законность самой сделки.

В целях исключения негативных последствий для сторон и обеспечения института нотариата защитными механизмами законодателю следует более взвешенно подойти к имущественным сделкам, терминологии, используемой в «Основах нотариата».

Статьей 21 Гражданского кодекса Российской Федерации дееспособность формулируется как «...способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность)...»⁶.

Статьей 29 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентировано признание недееспособным гражданина в судебном порядке, признавая на основе медицинского заключения его недееспособность либо ограниченную дееспособность.

Практика. Судебная практика, аккумулирующая вопросы дееспособности в спорах по сделкам с не-

движимостью, по оспариванию завещаний и доверенностей, которые подлежали нотариальному удостоверению, выявляет общий подход судебного сообщества при разрешении данной категории дел, а именно назначение судебно-психиатрической экспертизы. Основываясь на результатах экспертизы и принимаются окончательные решения, в мотивированной части которых фигурируют формулировки:

– «...установление же на основании этих и других имеющихся в деле данных факта наличия или отсутствия психического расстройства и его степени требует именно специальных познаний, каковыми, как правило, ни свидетели, включая удостоверившего сделку нотариуса, ни суд не обладают...» – из решения по гражданскому делу от 27 сентября 2018 г. № 2-912/2018 Ковровского городского суда Владимирской области⁷;

– «...при удостоверении сделок выясняется дееспособность граждан, проверяется правоспособность юридических лиц, участвующих в сделках. В случае совершения сделки представителем проверяются и его полномочия.

В законодательстве отсутствует механизм установления нотариусами дееспособности, у них также не имеется и правовых оснований выполнения ряда необходимых для этого действий. Дееспособность определяется документально (путем проверки документов, удостоверяющих личность, в которых указана дата рождения), а также визуально (путем беседы, собственной оценки адекватности поведения и т.п.)...» – из решения Коптевского районного суда по гражданскому делу от 4 декабря 2014 г. № 2-2682/2014⁸.

Действующее законодательство о нотариате на день осуществления нотариального действия не предусматривает возложения обязанности на нотариуса истребования у лица, заключающего договор купли-продажи, пожизненной ренты или, например, для составления завещания – документов, свидетельствующих о дееспособности данного гражданина. Нотариусу достаточно получить лишь сведения об отсутствии ограничений дееспособности в

⁵ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1.

⁶ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 23.11.2019).

⁸ Там же.

принципе, т.е. не проверить ее фактически, а убедиться, что на данную дату суд не лишил и не ограничил сторону сделки в дееспособности.

В описанных условиях в ежедневной работе нотариуса закладываются хрупкие камни в общую кладку правового регулирования, защиты интересов граждан. Удостоверение дееспособности в «Основах нотариата» по своей сути подменяет понятие медицинского освидетельствования на день совершения юридически значимых действий лицом, но не заменяет его, не выполняет его функцию и не отвечает задачам и целям указанного действия.

Практикующим в судах юристам хорошо известно, что отсутствие медицинского освидетельствования на сделке, впоследствии в судебном процессе, где оспаривается дееспособность, будет являться основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Аргументация нотариуса о проведенных беседах с заявителями, при которых устанавливалась их личность, цели, мотивы и дееспособность путем общения, а также субъективная оценка нотариуса того, что заявители проявляли полную осведомленность о сущности совершаемых действий, не являются состоятельными доводами в суде для вывода о дееспособности лица.

Таким образом, в нашем законодательстве присутствует не работающий, не регламентированный, а, скорее, даже вводящий в заблуждение механизм – нотариальное действие, противоречащее своему термину и рождающее дополнительную нагрузку в судах и судьбах граждан – удостоверение дееспособности.

Между тем позиция Федеральной нотариальной палаты (ФНП)⁹, изложенная на ее официальном сайте (выдержка от 5 февраля 2019 г.), обозначается следующим образом: «...Нотариус – это единственный специалист, который отвечает перед гражданином материально и, если из-за его ошибки был причинен ущерб, возмещает его в полном объеме...» Таким образом, нотариус, регулярно совершая нотариальное удостоверение дееспособности, фактически идет на постоянный и осознанный риск

признания впоследствии договоров недействительными, не имея возможности обезопасить не только стороны сделки, но и самого себя, так как понуждение к медицинскому освидетельствованию на день совершения сделки выходит за рамки «Основ нотариата».

Согласно действующему Регламенту совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающих объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (утвержден приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156), объем информации, необходимой для удостоверения договоров, и порядок ее фиксирования п. 32 гл. VII: «...При удостоверении договора нотариус посредством Единой информационной системы (ЕИС) запрашивает из Единого государственного реестра недвижимости информацию о наличии (отсутствии) судебного акта о признании заявителя недееспособным или ограниченно дееспособным...»¹⁰ – не являются исчерпывающей, полнофункциональной мерой, несмотря на то, что безусловно позволяют снизить количество оспариваемых сделок. Однако нотариус по-прежнему не выступает гарантом того, что дееспособность в практическом смысле у заявителя установлена.

Лицо, являющееся ограниченно дееспособным, способно и может совершать нотариальную сделку по отчуждению недвижимости, не имея заключения о «сделкоспособности», находясь, например, длительное время в состоянии наркотического или алкогольного опьянения? Обоснованно ли вменять функции по определению дееспособности нотариусу, не располагающему специальными познаниями в области медицины, или он должен иметь специальное медицинское образование? Необходимость конкретизации терминов, в особенности сделкоспособности, вытекает и из решений судов (решение № 2-1381/2017 от 8 декабря 2017 г. по делу № 2-1381/2017 Брянского районного суда Брянской области; решение № 2-2666/2017 2-2666/2017~М-

¹⁰ Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования // Бюллетень нотариального вестника. 2017. Сентябрь.

⁹ Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. Актуальные новости. URL: www.notariat.ru/ru-ru/news (дата обращения: 23.11.2019).

2651/2017 М-2651/2017 от 1 августа 2017 г. по делу № 2-2666/2017; решение от 11 мая 2016 г. № 2-652/2016 2-652/2016~М-421/2016 М-421/2016 по делу № 2-652/2016 и т.д.)¹¹, так как они вступают в прямое противоречие с призванными функциями ФНП.

Терминология. Из существа вопроса, на наш взгляд, дееспособность рассматривается в нескольких ракурсах, которая отвечала бы сути данного понятия при своем единстве.

Правоспособность – нотариусы устанавливают ее на основании представленных документов.

Гражданская дееспособность – определяется нотариусами в ходе личной беседы и введенного запроса в Росреестр о наличии судебного акта об ограничении дееспособности в отношении заявителя.

Медицинская (фактическая) дееспособность – не регламентирована для удостоверения, возможно установление путем медицинского освидетельствования.

Основываясь на Гражданском кодексе Российской Федерации¹², законодатель определяет дееспособность положениями: ст. 21, ст. 26–30, исходя из которых можно сделать вывод, что в соответствии с требованиями законодательства нотариус, обладая юридическим образованием, может удостоверить только юридическое действие – юридически значимый факт.

Мы приходим к выводу, что термин, конкретно дифференцирующий предмет удостоверения, а именно «юридическую дееспособность», и должен быть положен в основу нотариального действия по удостоверению дееспособности. Корректная формулировка обеспечит законность и установит связь с правовыми последствиями при ее толковании, вытекающими из действующего законодательства.

Но изменение терминологии само по себе не принесет актуальных данных при удостоверении «юридической дееспособности» на момент совершения сделки. Как было описано выше, необходимо

предусмотреть единство аспектов, раскрывающих суть юридической дееспособности, обеспечить которую могут информационные базы расширенного спектра.

Возможности имеющихся информационных систем сегодня, а также формирующиеся базы данных на территории нашей страны позволяют обеспечить защитный механизм для заявителей, при котором «юридическая дееспособность» будет удостоверена нотариусом в практическом смысле слова.

Сбор данных и их компоновка уже продолжительное время осуществляется из различных источников государственных учреждений, таких как поликлиники, паспортные столы, органы ГИБДД, ФНС и проч. Действующими рабочими инструментами, как в открытом доступе, так и в закрытом, пользуются сами граждане; реализация единых информационных систем проходит в службах «одного окна», таких как «Мои документы» или «Госуслуги».

Сервисы позволяют запрашивать и получать необходимые сведения в онлайн-режиме.

На наш взгляд, непосредственно на базе психоневрологических и наркологических диспансеров должен быть создан единый реестр, позволяющий нотариусам запрашивать сведения в ЕИС о возможности заявителей совершать сделки определенного характера на текущий момент. Закрепление в «Основах нотариата» удостоверения «юридической дееспособности», основанной на актуальной информации по заявителю, здесь и сейчас, с отметкой предоставившего справку учреждения о возможности совершать сделку при наличии заболевания или о невозможности такового и необходимости освидетельствования на день сделки, существенно могло бы повысить качество работы ФНП, кардинально сократить количество имущественных судебных споров, экспертиз при оспаривании, а значит, и издержек в целом по стране.

Вопрос назрел не «вчера», и, как снежный ком, продолжает набирать силу неурегулированная норма. Так, в газете «Коммерсантъ» от 6 декабря 2016 г. сообщается¹³: «...В России планируют создать единый реестр лиц, страдающих психиче-

¹¹ Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 18.02.2019).

¹² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹³ Официальное издание «Коммерсантъ». URL: www.kommersant.ru/doc/3163442 (дата обращения: 23.11.2019).

скими расстройствами, — соответствующую инициативу передало в правительство ООО «Национальный фармацевтический реестр» (НФР)...»

Инициатива до сих пор так и не получила оценку правительством. В том же году возникли споры среди экспертов и в нотариате о практическом применении нотариусами единого реестра о лицах, страдающих психическими расстройствами. Обсуждались вопросы ущемления прав граждан по защите

персональных данных, а также права на врачебную тайну, однако считаем важным отметить, что получение информации нотариусом в виде ответа на запрос посредством ЕИС с предоставлением только итоговой информации, как, например, «юридически дееспособен», может фактически использоваться уже сегодня, по аналогии с тайной совершения нотариального действия или информацией об отсутствии или наличии сведений о лишении дееспособности.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1.
3. Официальное издание «Коммерсантъ». URL: www.kommersant.ru/doc/3163442 (дата обращения: 23.11.2019).
4. Официальный сайт «ПравоRU». URL: www.pravo.ru/news/view/118874/ (дата обращения: 23.11.2019).
5. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. Актуальные новости. URL: www.notariat.ru/ru-ru/news (дата обращения: 18.02.2019).
6. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования // Бюллетень нотариального вестника. 2017. Сентябрь.
7. Судебная практика по вопросам нотариальной деятельности / Федеральная нотариальная палата России, Центр нотариальных исследований. 2-е издание, дополненное. Москва : Волтерс Клувер, 2004 (Серия «Библиотека нотариуса»).
8. Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 23.11.2019).
9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/ (дата обращения: 11.02.2019).

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.